

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

МОЛЧАНИЕ
СОЛДАТ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Молчание солдат

«Автор»

2005

Самаров С. В.

Молчание солдат / С. В. Самаров — «Автор», 2005 — (Спецназ ГРУ)

Что может быть удобнее для командира, чем молчаливый солдат-зомби, готовый выполнить любой приказ? С помощью магического средства древних колдунов, именуемого «поцелуй двузуба», можно создать целую армию послушных биороботов. Волей случая обладателем этого средства оказался известный полевой командир Руслан Имамов. Однако использовать чудовищное ноу-хау в войне он не намерен. Тем не менее отряд спецназа ГРУ полковника Согрина ведет преследование чеченской банды. Ведь влиятельные зарубежные силы, которых представляет на Кавказе сотрудник ЦРУ Пол Маккинрой, не пожалеют денег, чтобы получить в свои руки столь грозное оружие. И вот среди заснеженных вершин и ледников горной Чечни разворачивается отчаянная схватка, финал которой предсказать не возьмется никто...

© Самаров С. В., 2005

© Автор, 2005

Содержание

ПРОЛОГ	5
1	5
2	9
3	12
ЧАСТЬ I	16
ГЛАВА 1	16
1	16
2	18
3	23
ГЛАВА 2	28
1	28
2	32
3	35
ГЛАВА 3	40
1	40
2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Самаров

Молчание солдат

ПРОЛОГ

1

Гаити. 1990 год.

Достаточно низко над морем, непривычно низко и с большой скоростью, словно сильные птицы, несутся три светлых призрачных облачка. Чуть в стороне и выше летит еще одно, но не такое стремительное, движется почти в темпе океанской волны, и при этом выбрало совсем другое направление на перекрестке небесных дорог.

– Мы здесь со дня на день ждем урагана... – доктор Нганга, покачиваясь в тростниковом кресле-качалке на веранде собственного большого белого дома, смотрит на море и из высокого мутно-белого стакана пьет холодный чай с замороженным соком грейпфрута. Белый стакан на ярком солнце резко контрастирует с черной кожей доктора. Как у всех негров, ладони у него не черные, а розовые, но этого не видно, потому что мутное стекло внутреннюю сторону руки закрывает.

– Да... Ураган... Это неприятно... – говорит его собеседник, высокий и еще молодой, в сравнении с пожилым доктором, светловолосый человек с маленькими, близко посаженными внешне подслеповатыми глазами. Эффект подслеповатости возникает от привычки часто моргать и вовсе не говорит о слабости зрения. – Это беда. Последний здесь прошелся, кажется, лет восемь назад. Я помню трагические сообщения, было много жертв...

– Девять. Девять лет назад очень большой ураган был. Я тогда понес большие убытки, и пришлось начинать жизнь, по сути дела, заново. И внук у меня погиб... Старший. Потом и другие ураганы были. В наших местах без них не обходится и года, но эти послабее. Больше пугают, чем крушат. А поломанные деревья не в счет...

Собеседник согласно кивает.

– Кстати, я вчера в посольстве смотрел карту космической съемки. Ураган движется по непонятной траектории. Какую-то замысловатую, сложную спираль рисует. Уже основательно переворочил Бермуды – дважды туда заглядывал, оттуда к Флориде направился, но свернул у самого Майами и прогулялся по северному кубинскому побережью. По прогнозу, он до нас, скорее всего, не дойдет, спираль должна закрутиться на новый виток...

– Я сегодня звонил министру сельского хозяйства, – не соглашается доктор Нганга. – В министерстве говорят, что краешком нас все же хорошенько саданет. Как раз южную оконечность острова, где мы с вами сейчас находимся...

– Вы предлагаете мне уехать, не завершив дела? – Гость насмешливо поднимает белесые брови. – А вы останетесь здесь?

– Может быть. Временно... Вам, мистер Маккинрой, возможно, следует перебраться куда-то в глубь острова, там спокойнее. Я же предпочитаю остаться дома и здесь переждать. Уедешь, поверьте мне, от дома ничего не останется. Такой народ. Все растащат. Не говоря уже о том, что после урагана необходимо будет распорядиться о сборе кокосов на плантации. Иначе и их унесут вместе с остатками пальм. Пальмы-то уж точно все переломает...

– А эти... Ваши «уроды»? Вы же можете им приказать охранять дом. Они-то никого сюда не подпустят...

– Мои «уроды» будут делать то, что им прикажут. Беда всех «уродов» в том, что они не одного хозяина слушаются, а всех, кто с ними разговаривает. Слушаются, повторяю, безоговорочно и выполняют все тоже безоговорочно. Каждый новый приказ выбивает из памяти предыдущий...

– Да, – соглашается Пол. – Это плохо. И никак нельзя оградить их от чужого влияния?

– Никак. Они просто не могут послушаться. Если им прикажут в мое отсутствие разломать дом по дощечке, они его разломают. Даже если прикажет незнакомый человек. И соберут все кокосы с земли. Более того, даже в ящики уложат, загрузят в грузовик и отправят, как им будет велено... За всем нужен хозяйский глаз. Кокосовая плантация – мое единственное средство к существованию.

Доктор Нганга лениво поднимается и подходит к холодильнику, установленному здесь же, на веранде. Наливает в стакан новую порцию охлажденного чая и добавляет кусочки грейпфрутового льда. В воздухе стоит влажная липкая духота, и доктор спасается от нее только чаем.

В руке у Маккинроя бутылка пива. Как всякий американец, он предпочитает в такую погоду ледяное пиво. Но Пол никогда не пьет его в таких количествах, в каких хозяин дома пьет чай.

– А когда приедет ваш ньянга¹?

– Я послал ему вежливое приглашение по электронной почте. Кто знает, как часто он выходит в Интернет. И только он сам решает, когда ему появиться...

– По электронной почте? В Интернет?

– Да... Колдуны не пренебрегают компьютером. Наш ньянга окончил университет в Бостоне и человек почти цивилизованный. Имеет, как и я, докторскую степень. Только я – доктор экономики, а он – доктор психологии.

– Это даже интереснее, чем я предполагал. Но уже пора бы ему, говоря честно, и вежливость цивилизованного человека проявить. Третий день жду. А если я уеду, испугавшись урагана, а он появится?

Доктор в ответ только плечами пожимает.

– Думаю, в следующий раз пригласить его будет труднее. В следующий раз он может просто проигнорировать мои аргументы. Несмотря на схожесть звучания моего имени и его профессии. Ньянга – люди непредсказуемые. Говорят, что они не совсем люди...

– А ураган?

Доктор усмехается.

– Честно говоря, вам уезжать не следовало бы. Это я просто из вежливости предупредил. Долг исполнил. Ураган – это самое подходящее время для появления колдуна. Все ньянга любят эффекты. Все мы, африканцы, любим эффекты, а для ньянга они являются атрибутом профессии.

* * *

Ньянга не приезжает, а приходит пешком перед закатом солнца.

Маккинрой как раз рассматривает кроваво-розовые полосы облаков на горизонте – предвестники завтрашней непогоды, а возможно, и приход того самого урагана, которого со страхом ждет весь остров. Красный закат всегда и во всех краях земного шара предвещает ветер. И на Гаити хорошо понимают, что, если ветер идет с запада, оттуда, где сейчас кружит над Карибским морем ураган, это не сделает настроение радужным.

¹ Ньянга – на многих африканских наречиях так зовут колдуна. Среди гаитян, потомков рабов, вывезенных с Африканского континента, это название сохранилось, как и многие другие обычаи далекой заокеанской родины.

Доктор Нганга в это время уходит по зову телефонного звонка в дом. А этот человек с раскрашенным лицом и весь увешанный амулетами появляется со стороны ворот, невидимых с веранды, и сразу направляется по боковой аллее, посыпанной красным гравием, к Маккинрой.

Маккинрой слышит шаги и оборачивается. Рассматривает пришельца с любопытством, а тот, в свою очередь, рассматривает его. И удовлетворенно фыркает, как старый буйвол, вдоволь напившийся грязной воды из лужи.

– Вы что-то хотите? – спрашивает Маккинрой, не уверенный еще, что это пришел человек, которого он устал ждать, но надеющийся именно на это – слишком странно и даже для Гаити непривычно выглядит пришелец. Спрашивает и по привычке часто моргает. Это ошибочно делает выражение его лица неуверенным.

– Это ты хочешь, думаю я. Власти, конечно. Белые люди всегда рвутся к власти. И все твои желания направлены только на это... Даже маленькие желания. Как сегодняшнее. То самое, что привело меня сюда... – Язык пришельца – почти хороший английский. Голос хриплый, с многочисленными трещинками и оттого слегка вибрирующий.

На голос выходит из дома доктор Нганга. И стремительно спускается на аллею, чтобы поприветствовать нового гостя. Они говорят на каком-то непонятном наречии, и Маккинрой улавливает только отдельные слова. Он знает много языков, в том числе даже такие экзотические, как суахили². Но сейчас разговор двух негров ведется на странной смеси английского и французского, суахили и еще какого-то непонятного гортанного языка, скорее всего, вымершего карибского³. Маккинрой перед поездкой сюда говорили, что на Гаити еще говорят иногда на каком-то странном местном негритянском наречии, непонятном для белого человека.

Доктор Нганга под руку вводит нянга на веранду. Очень уважительно вводит. Почти поддерживает, чтобы гость не оступился. Нянга поворачивается к Маккинрой.

– Ты сегодня должен уехать. Машину заправь полностью. Тебе не скоро придется снова заправлять ее... – сразу и решительно говорит колдун, уставив палец в грудь американцу.

– Куда уехать?

– Лучше в Порт-о-Пренс.

– Там сейчас беспорядки. Машину разобьют. Еще и сожгут... Ваши соотечественники любят беспорядки. Они их веселят...

– Туда вчера ввели войска ООН. Если не хочешь в столицу, поезжай в Доменику⁴.

– Еще не легче...

– А ты можешь не уезжать, – добавляет нянга, оборачиваясь к Нганге. – Ты все равно погибнешь в ураган. Здесь ли... В другом ли месте... Я потому и поспешил. Я тебя похороню. Ты был хорошим человеком и не очень злым...

Маккинрой с любопытством наблюдает реакцию хозяина дома.

Доктор Нганга, несмотря на основательную черноту своей кожи, не бледнеет, а сереет от обращения к нему в прошедшем времени. Но удивительно быстро смиряется с судьбой, не решаясь бороться за жизнь, если нянга уже предрек ему смерть. Только голову склоняет в почти светском поклоне. И ни минуты не сомневается в предрешенности своей судьбы.

– А теперь оставь нас, – продолжает колдун.

Доктор Нганга уходит торопливо, на ходу полуоборачиваясь через плечо, словно надеясь еще что-то услышать от колдуна. Но тот занят белым человеком.

– Ты приехал за средством...

² Суахили – самый распространенный в Африке язык.

³ Индейцы карибы (карибу), воины и разбойники, населявшие побережье и острова в момент прибытия Колумба в Америку, полностью вымерли, не приняв рабство, на которое их обрекли белые завоеватели. После них остался только язык, составной частью входящий во многие языки островитян.

⁴ Доменика (местн.) – Доминиканская Республика. Граничит с Гаити, занимает две трети острова Гаити (Эспаньола), тогда как Гаити занимает только треть.

– Ты знаешь?

– Я все знаю... Я бы мог убить тебя только за это желание, но мне будут нужны деньги после урагана. Слишком нужны будут, потому что я знаю его последствия. Плати десять тысяч американских долларов, забирай и уезжай как можно быстрее. Пока я не передумал...

Ньянга вытаскивает из-за пояса маленький пузырек. На дне его, чуть-чуть прикрывая поверхность, засохло какое-то черное смолистое вещество. Колдун объясняет:

– Это ставится в кипящую воду. Десять минут греется, потом сюда опускается острие...

– Острие чего? – не понимает Маккинрой.

– Любое острие... То самое острие, что оцарапает человека, хозяином которого ты хочешь быть. Человек умрет и воскреснет через трое суток. Ровно через трое суток. Через семьдесят два часа. Он весь воскреснет. Только ум его останется мертв... Ты станешь хозяином. Человек будет выполнять все, что ты прикажешь...

– Как долго острие остается опасным?

– Несколько человеческих жизней. Смола почти не испаряется...

– Это хорошо. А как же... Танцы, бой барабанов, скопление людей? Я слышал...

Ньянга усмехается, как может усмехаться человек, имеющий докторское звание, над предрассудками, свойственными темному люду.

– Это только ритуал. Он нужен только ньянга, чтобы люди больше в него верили. Ты же не собираешься стать ньянга... Все. Уходи...

– Я хотел бы попрощаться с доктором Нганга...

– Это необязательно. Доктор сейчас оплакивает свою смерть... Уходи. Уезжай.

Маккинрой вытаскивает из кармана чековую книжку и торопливо выписывает чек.

– Если обманешь, – получив в руки сиреневую бумажку, помахивает ею ньянга, – один из «уродов» найдет тебя и убьет. Это не шутка...

Он торопливо убирает чек за пояс.

«Если б ты был в самом деле провидец, – с усмешкой думает про себя американец, – ты бы знал, что мне в тридцать тысяч баксов обошлась операция, заставившая тебя искать деньги... И не надо говорить мне про ураган. Ураган здесь ни при чем. И не надо убеждать меня, что ты видишь насквозь все мои желания и стремления. Ты просто психолог. Плохой психолог, пригодный только для работы со своими соотечественниками. Пусть доктор Нганга верит тебе и готовится к смерти. Ты уже всем рассказал, что идешь хоронить его, потому что никому не расскажешь, что дал мне снадобье... И ты убьешь доктора, чтобы ничего не сказал и он, и чтобы твое предсказание сбылось, и люди больше в тебя верили. Ты убьешь его во время урагана... Видишь, я лучший предсказатель, чем ты...»

2

Колумбия. 1991 год.

Москиты пищат так громко, что приходится повышать голос, иначе тебя просто не услышат. Но ничего не поделаешь – сезон такой... Впрочем, дон Хорхе Энрике давно привык не обращать внимания на москитов. Кусают, ну и пусть кусают. Главное, не чесаться, и зуд проходит быстро.

– Сколько таких «уродов» обещает поставить нам твой знакомый?

– Он может сделать их столько, сколько нам понадобится, – отвечает довольный Бальтазар. – Предлагает за год подготовить хоть сотню. Правда, предупреждает, что они непригодны для использования в качестве солдат, потому что лишены инстинкта самосохранения.

– Ну и пусть. Ни один солдат, я думаю, не заработает для нас столько, сколько эти «уроды». Солдатам надо хорошо платить, тогда они хорошо служат. А этих только слегка подкармливать. Я доволен. Меня интересует цена.

– По тысяче долларов за человека.

У дон Эрике вопросительно поднимаются брови.

– Только и всего-то? Бизнес, прямо скажем, небольшой... – Он морщится слегка презрительно. Сам он не ведет переговоры с людьми, которые занимаются таким мелким бизнесом. Это все равно что самому покупать продукты, когда в доме есть отвечающие за это слуги. Но при этом дон Энрике понимает, какие деньги можно делать, обладая секретом гаитянских нянга. Однако если человек не умеет делать деньги даже тогда, когда они сами идут к нему в руки, если сам не понимает, какое богатство у него под носом вертится, то этого человека можно лишь пожалеть. И если представится возможность, следует забрать у такого глупца строго охраняемый секрет.

– Ты человек опытный. Я знаю. И наверняка подумал, как отобрать у него яд?

Бальтазар от похвалы готов расплыться в довольной улыбке. Дон Энрике нечасто бывает щедрым на доброе слово.

– Он, конечно, глуповат, но осторожный. Даже слегка трусоват. Постоянно испуганно моргает и оглядывается. Я предлагал ему поработать у нас под защитой и сделать «уродов» из нашего «материала». Говорил, что деревень вокруг много, и в каждой деревне есть сильные парни, из которых получатся прекрасные работники... Я как раз подумал о том, что вы, дон Энрике, предлагаете.

– И что?

Бальтазар качает головой.

– Он не хочет. Мне кажется, он просто боится. И так без конца проверяет, не подслушивает ли кто под дверь. И предпочитает привозить нам «уродов» сюда. Но я подумаю, как прибрать этого парня к рукам. Я понимаю, как это необходимо. На будущей неделе он обещал привезти сразу десять штук, как я и заказал. В настоящих гробах... «Уроды» воскреснут у нас на глазах вечером, не раньше восьми часов, а до этого мы сумеем убедиться в том, что они абсолютно мертвы. Я всегда предпочитаю проверять людей, с которыми работаю... Вы сможете пригласить врача для освидетельствования?

– Для такого дела можно и врачу заплатить. И даже гостей можно пригласить на небольшой коктейль, как это делают янки. Просто любопытно. Прекрасно! Я доволен тобой! Сейчас я хочу рассмотреть поближе первого.

– Пожалуйста, дон Энрике. «Урод» сейчас как раз работает во дворе...

Они через кухню проходят из большого дома в фабричный двор. Дон Энрике даже с крыльца спускаться не желает. Просто смотрит. Среди низкорослых колумбийских индейцев,

распаковывающих тюки со свежей марихуаной, выделяется фигура немолодого великана негра с мощной мускулатурой.

– Позвать его? – спрашивает Бальтазар.

– Позови. Он безопасен?

– Безопаснее деревенской козы. У той, по крайней мере, есть рога. А у этого голова абсолютно пуста... Единственные принадлежности головы, которые ему нужны, – это уши, чтобы слышать команды, и глаза, чтобы не спотыкаться... Морган!

Негр медленно оборачивается, смотрит, откуда его зовут.

– Иди сюда! – командует Бальтазар.

Великан подходит.

– Видишь вон ту собаку... – показывает Бальтазар на облезлого пса, дремлющего в тени, прикрыв грязным хвостом нос от назойливых москитов.

– Вижу, – отвечает негр без всякого выражения в лице и в голосе.

– Подойди к ней, поймай и укуси за ляжку. Но не сильно. Собака нам еще сгодится... – Бальтазар улыбается, довольный своей выдумкой.

Великан молча отправляется выполнять задание. В глазах его по-прежнему полная пустота. Он просто не умеет думать... Собака при приближении негра сначала поднимает голову, потом и сама неторопливо поднимается. Она чувствует угрозу от этого странного человека, не пахнущего, как другие, человеком. Но великан прыгает вперед быстро, ловит собаку, поднимает и в самом деле кусает. Слышится собачий визг и рычание. Собака в ответ умудряется укусить негра за локоть. Но он больше ее не держит. Просто отпускает и стоит на месте. Обиженная собака вертится вокруг, лает, но не решается напасть. Негр на животное даже не смотрит.

– Что он там встал, как статуя? – спрашивает дон Энрике.

– Ему была дана только одна команда, – поясняет Бальтазар. – Если не дать следующую, он так простоит до тех пор, пока не умрет с голода.

Дон Энрике задумчиво чешет подбородок.

– Это интересно... Интересно. Да. Я доволен. Мне такие «уроды» определенно нужны... Позвони, когда будет следующая партия. Я привезу с собой врача... А сейчас, – он смотрит на часы, – найди моего пилота. Мне пора лететь.

И уже через десять минут маленький вертолет главы большого наркокартеля описывает над фабричным двором круг. Рабочие-индейцы задирают головы. Негр Морган продолжает работать, выполняя команду, которую получил. Вертолет его не интересует, как не интересует ничто вокруг...

Он «мертв».

* * *

Дон Хорхе Энрике прилетает через три дня уже на большом вертолете. Он привозит с собой многих добрых друзей, почти всех помощников и семейного врача, чтобы тот освидетельствовал тела, доставленные на фабрику в закрытых гробах. Гробы выставлены посреди фабричного двора. Простые деревянные ящики. Поставщик не пожелал тратить на приличные, соответствующие траурному случаю. Он, должно быть, не посчитал случай слишком траурным. Сам, соблюдая осторожность, получил с Бальтазара десять тысяч долларов и остался в городе.

На этот раз дон Энрике даже с крыльца сходит. И вся свита спускается за ним.

– Траурная церемония, – смеется врач, уже знающий, что ему предстоит. – Мы забыли пригласить священника...

– Вскрывайте гробы! – командует дон Энрике. – Священника приглашать рано. Воскресение состоится только вечером. Тогда можно и позвать.

Два индейца из числа рабочих приближаются к гробам с топориками в руках. Но начать работу они не успевают. Крышки сами слетают с деревянных ящиков. Мертвецы «воскресают» раньше времени и оказываются вовсе не послушными бессловесными неграми-зомби, а готовыми к бою, полностью вооруженными спецназовцами.

Разговоры никого не интересуют... Одновременно звучат, сливаясь в мощный гром, десять выстрелов из подствольных гранатометов. И следом за этим рассыпаются короткие автоматные очереди. Дон Энрике вместе со всей свитой не успевает среагировать, не успевает ничего предпринять, даже попытки спрятаться не предпринимает – так внезапно нападение. Вся верхушка наркокартеля уничтожена за несколько секунд.

Спецназовцы выпрыгивают из «гробов», где претерпели немало неудобств во время транспортировки и перегрузки, перекатываются, добираясь до укрытия, чтобы осмотреться и принять правильное решение. Стрельба перемещениям не мешает и не прекращается ни на минуту. По внутренней связи звучит команда. Группа быстро сдвигается в сторону фабричного корпуса.

А откуда-то сбоку нарастает гул. Низко над плантациями марихуаны летят на помощь передовому отряду три длинных десантных вертолета...

3

Ленгли, штат Вирджиния, США. Шестой департамент ЦРУ. 1991 год.

Пол Маккинрой возвращается из Колумбии героем, с полным основанием рассчитывая на повышение в должности. Разработанная им лично и проведенная под его непосредственным руководством операция по уничтожению влиятельного колумбийского наркокартеля завершилась полным успехом. Даже не расстроил тот факт, что колумбийские власти заявили протест против залета боевых вертолетов США в воздушное пространство Колумбии. Протест был принят с вежливыми дипломатическими извинениями, а правительство Колумбии благосклонно приняло объяснение посла США. Поскольку ЦРУ в данном случае работало не только на благо своей страны, но и на благо Колумбии, инцидент посчитали исчерпанным. Единственное: колумбийские власти, сохраняя хорошую мину, в очередной раз попросили впредь согласовывать подобные действия с ними. Так всегда бывает, так повторяется из раза в раз, и ситуация никого не беспокоит...

Разорвана плотная и действенная цепочка в поставках марихуаны в Соединенные Штаты. Теперь и в самих Штатах что-то должно произойти, поскольку «свято место пусто не бывает», и начнется передел сфер влияния. Это тоже не обойдется без стрельбы, но там уже пусть работают спецы ФБР. ЦРУ свою миссию выполнило и предоставило фронт работ смежникам. В ФБР свое дело тоже знают и готовятся.

Но самого Маккинроя последствия операции вообще мало волнуют. Его беспокоят другие и достаточно далекие планы, выходящие за рамки работы в собственном департаменте. Не случайно снадобье гаитянского ньянга было использовано только один раз, чтобы превратить в зомби приговоренного к «электрическому стулу» бывшего профессионального боксера-тяжеловеса. Оно не осталось в третьем департаменте, занятом работой против поставщиков наркотиков, а ушло в шестой, где ведутся опыты над человеческой психикой. Именно туда планирует перейти работать и сам Пол Маккинрой. Ему предлагают должность с большой перспективой роста. И даже с перспективой власти, что для него лично еще более важно.

И потому сразу по приезде, доложив результаты операции своему начальству и выслушав стандартные слова благодарности, Маккинрой отправляется в соседнее крыло большого корпуса, чтобы поинтересоваться результатами химической и радионуклеидной экспертизы состава препарата ньянга, который уже называли красиво «поцелуем двузуба». Это уникальный препарат, значительно отличающийся от «пудры зомби», которую ньянга подсыпают в пищу. «Пудра зомби», согласно исследованиям ЦРУ, дает семьдесят процентов осечек. То есть семьдесят процентов принявших ее не могут «воскреснуть». «Поцелуй двузуба», судя по информации, которую Маккинрою удалось раздобыть на Гаити, действует безотказно, но есть только единицы ньянга, которые умеют препарат делать. И хранят свое умение в глубокой тайне...

– Я вчера разговаривал с профессором Зин-Мухаммадом, – говорит Маккинрою сотрудник шестого департамента Джастин Юм. – Пока они достаточно точно выделили яд двузуба – это рыба такая, если помните... Яд в пятьсот раз опаснее цианистого калия. И еще стопроцентно определили какие-то нейтрализующие яд корни и даже синтезированные химикаты. Ньянга тоже наукой занимаются. Полностью заключение будет готово только к концу недели.

Маккинрой два месяца собирал легенды о «поцелуе двузуба» и лучше других знает его возможности, которые он, благодаря своему опыту разведчика, открыл перед ЦРУ. Пока он никому не рассказывал о том, что удалось записать. ЦРУ располагает лишь простейшей информацией по использованию.

– Что они говорят, можно ли будет полностью синтезировать препарат?

– Зин-Мухаммад предполагает, что это не станет проблемой. Более того, один из ассистентов профессора сказал мне, что Зин-Мухаммаду удалось путем дозировки отдельных

составляющих добиться различных эффектов воздействия. Правда, опыты ставились только над собаками. Эксперименты с людьми пока еще не планируются... Но и это говорит о широте применения. То есть появилась возможность создать что-то типа «зомби на час». Иначе говоря, это позволяет управлять любым человеком в любых обстоятельствах по мере необходимости. В остальное время это будет нормальный человек...

Маккинрой морщится. Это как раз и есть то, что он пока не пожелал открыть.

– Кто такой этот Зин-Мухаммад? – интересуется Маккинрой.

– Кажется, по происхождению – саудовец или египтянин. А может, даже иорданец... Не помню... Но родился в Штатах. Он уже шесть лет возглавляет лабораторию. До этого преподавал где-то в университете. Несколько лет работал в Европе, потом вернулся... Видный такой, красивый араб.

– Я не люблю арабов, – морщится Маккинрой. – Не верю им. У них считается доблестью обмануть неверного. То есть любого из нас. И все правоверные, в моем понятии, только и ищут случая, чтобы кого-то обмануть... Позвоните профессору, предупредите о моем желании нанести ему визит с целью совершить небольшую экскурсию по лаборатории.

Джастин Юм пожимает неширокими плечами человека, выросшего и возмужавшего за компьютером, и набирает номер. Долго ждет ответа. Потом повторяет набор.

– Наверное, куда-то вышел, – он смотрит на часы. – Конечно. Обеденное время...

– У вас есть номер его сотового телефона?

– Нет. Мы общаемся только через кабельную закрытую линию. Это необходимая мера безопасности. Советую вам время не терять и тоже пообедать, а после обеда заходите... Вместе позвоним, и вы договоритесь о встрече.

– А без звонка?

– А без звонка вас просто не пустят в лабораторный корпус. С этим там строго. Зин-Мухаммад любит порядок.

* * *

Маккинрой возвращается в шестой департамент не сразу, а лишь через четыре часа, посвятив это время не только скоротечному обеду всегда занятого человека – типично американское отношение к приему пищи, – но и составлению беглого отчета, который от него срочно затребовали в третьем департаменте. Вдоволь настучавшись по клавиатуре за рабочим столом в большой общей комнате, Пол спешит к делу, которое его сейчас интересует больше всего на свете.

Джастин Юм встречает его приветливым кивком и без разговора берется за трубку телефонного аппарата. Но опять не может дождаться ответа.

– Странно, – говорит Джастин. – Этот номер запараллелен на аппараты в рабочем кабинете и в кабинете лабораторном. Профессор может быть или там, или там...

Подумав несколько секунд, он находит в компьютерной базе данных другой номер и звонит уже с простого, не кабельного телефона.

– Вы не скажете, где я могу найти профессора Зин-Мухаммада? Да-да... Это из шестого департамента... Координатор сектора «Джи» Джастин Юм... Я звонил в кабинет... Да... Узнайте, пожалуйста... Я не кладу трубку...

Джастин отводит в сторону одну руку, поскольку вторая держит трубку у уха, показывая Маккинрою, что он прилагает все старания, и даже улыбается на всякий случай слегка виновато – слух о том, что Маккинрой переходит в шестой департамент не на самую низшую должность, уже прошел и отдался эхом... В конкретном случае эхо трансформировалось в виноватую улыбку.

Маккинрой нервно поламывает пальцы и привычно мигает. Слышно, как хрустят суставы. Вид у Пола такой, словно он растерян, и это вводит Джастина, как и всех других, кто недостаточно с Маккинроем знаком, в заблуждение.

Ждать приходится несколько минут. Наконец на другом конце провода кто-то подходит к телефону. Юм садится в кресле прямее.

– Менфред? Привет! Это Джастин. Я никак не могу добраться до мистера Зин-Мухаммада... Так... А что с ним? Никто к нему не ездил? Хорошо. Я позвоню сам...

Он кладет трубку и снова смотрит на Маккинроя слегка виновато.

– Говорят, профессор вчера вечером почувствовал легкое недомогание и ушел с работы сразу после обеда. А сегодня вообще не появился в лаборатории. Должно быть, заболел. Знаете же, сейчас грипп ходит. У нас в департаменте треть сотрудников чихает и кашляет, хотя все, кажется, сделали прививки...

Между тем Джастин за разговором не забывает о деле, быстро находит в базе данных домашний номер профессора. Звонит. Но и там телефон не желает отвечать. Маккинрой начинает чувствовать беспокойство.

– Поехали к нему, – не предлагает, а уже решительно командует он, при этом внешне выглядит по-прежнему растерянным, и несоответствие волевого голоса внешнему впечатлению заставляет Джастина Юма посмотреть на Маккинроя внимательнее.

– Поехали, – без уговоров соглашается Джастин.

Дом профессора находится в недалеком пригороде. Маккинрой гонит свой джип «Форд Бронко» на максимальной скорости. Мотор ревет, пугая прохожих. Нужная улица, нужный дом... Уже на крыльце беспокойство возрастает – дверь слегка приоткрыта.

Входят, осматриваются, и Джастин сразу начинает звонить по сотовому телефону, вызывая экспертную бригаду...

В доме все перевернуто кверху дном. По полу разбросаны вещи и бумаги. Вывалены с полки книги. Разбита посуда и оборваны телефонные провода. Черной пробоиной зияет монитор компьютера, сам компьютер стоит без кожуха. Вырван жесткий диск.

– В лабораторию! – командует Маккинрой. – Проверить там...

Джастин согласно кивает, но предварительно начинает звонить в лабораторию, предупреждая о приезде и требуя экстренных мер безопасности. Едут, не понимая почему, очень торопливо, нарушая все правила движения и рискуя жизнью, пролетают перекрестки на красный сигнал светофора.

В лаборатории их ждет новый удар. Из комендантского сектора по требованию Джастина привозят запасные ключи. Вскрывают кабинет, разблокировав систему идентификации дверного замка. Долго возятся с замком сейфа, приглашают еще одного специалиста, потому что сами справиться не могут. Сейф пуст... Не только образец препарата ньянга, но и все документы по анализу исчезли! И восстановить их, не имея препарата, возможности нет. Так однозначно говорят другие специалисты лаборатории.

Начинается обыск, который не дает результата. Только в ящике стола, среди бумаг, подготовленных к уничтожению, Маккинрой находит один листок, исписанный от руки. Документы, в том числе и этот листок, не удалось вовремя уничтожить, потому что в кабинете оказался сломанным шредер. Пол не показывает листок никому. Он разбирает остальные бумаги, а этот листок незаметно сворачивает и убирает в карман.

– Что-то интересное? – спрашивает Джастин, подойдя сбоку. – Черновики?

– Да... Но не имеющие отношения к нашему вопросу...

И только несколько часов спустя в своей небольшой квартирке Маккинрой развернет этот листок и прочитает его полностью. И поймет, что это черновик текста зашифрованной телеграммы, которую собирался отправить Зин-Мухаммад. Вывод напрашивается сам собой.

Никто не похищал профессора, как предполагают сотрудники ЦРУ. Профессор сам – агент иностранной разведки...

Но вот только какой?

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

1

Птица кричит пронзительно и властно. Даже обиженно и слегка разочарованно... И неторопливо взмахивает тяжелыми крыльями, словно вбирает в себя высоту и неразрывно соединяется с небом. Каждый взмах – мощный толчок о невидимый воздушный поток. Так человек толкается о склон горы ногами, взбираясь вверх.

– Что кружит... Сдаст нас, стерва... – говорит кто-то справа, из-за округлого и черного с одной стороны, словно неровно подкопченного, камня-валуна. – У «волкодавов» глаз наметанный... Сразу поймут...

– Эх, мать ее! Скарифанилась с «летучими мышами»⁵... Дать бы очередь, чтоб навсегда отлеталась. Чтоб перья в воздухе покружились. Чтоб вдрызг, – озлобленно и с непонятным восторгом добавляет другой из-за соседнего камня, еще более черного. Говорит так, словно уже видит, как летят, кружатся по воздуху перья убитого орла. По-русски говорит, без акцента.

– Еще один способ сдать, – холодно комментирует Аббас, не оборачиваясь на голос. Он и без того знает, кто единственный в его группе да и во всем отряде по-русски говорит без акцента, и сам дал бы туда, откуда голос этот раздался, очередь. Тоже – чтобы перья полетели, чтобы вдрызг... Дал бы очередь только потому, что у этого Николая глаза всегда гноятся, и умываться он не любит, но очень любит деньги... И вообще, потому что он Аббаса раздражает с первого дня их знакомства. И если бы не Руслан, не позволяющий в своем отряде внутренних разборок, не было бы сейчас слышно этого «вдрызг»...

– Чем они зимой кормятся? – зевнув, не спрашивает, а просто словами выражает птице сочувствие Анвар, долго глядя на поднимающегося к вершинам хребта орла. – Несладко, наверное, живется...

– Трусами кормятся, – мрачно отвечает Аббас. Он почему-то обычно знает больше других, хотя самый молодой в группе. Наверное, потому, что дольше других учился и много читал в детстве. И сейчас читает все, что под руку подвернется, с жадностью. И отвечает первым, как и положено отвечать человеку, которого Руслан Вахович назначил эмиром в маленьком джамаате⁶. Вообще-то это даже не джамаат, потому что в каждом джамаате должны быть и снайперы, и минометчики, и гранатометчики, и все остальные специалисты. В группе таких нет. Это действительно только группа, отправленная со специальным хозяйственным заданием. Именно хозяйственным, как ни приземленно это звучит, но заданием очень важным. – Этот вот собирался подкормиться нашими с тобой трупами. Может быть, и подкормится. Как себя поведем...

– И как повезет... – добавляет Анвар, стряхивает с газовой камеры автомата налипший мокрый снег, откладывает оружие в сторону и переворачивается на спину. Анвар хладнокровно относится и к жизни, и к смерти. И уверен, что все судьбы давно расписаны где-то там,

⁵ Летучая мышь, обнимающая земной шар, изображена на нарукавной эмблеме спецназа ГРУ.

⁶ Джамаат – боевая единица НВФ (незаконное вооруженное формирование), по численности колеблется от десяти до пятнадцати человек, имеет полное обеспечение боевыми единицами, то есть в состав каждого джамаата входят минер, снайпер, связист, минометчик и пр. Соответствует армейскому отделению. Во главе джамаата стоит эмир.

наверху. По материнской линии он сван⁷ и христианин, по отцовской ичкериец⁸ и абрек, не ставший сам, как отец, правоверным мусульманином. Но он верит в то, что Бог у всех един и всеми управляет одинаково, как бы люди его ни называли, каким бы способом ни произносили свои молитвы. И только Бог знает, когда и кому закончить жизнь. Только вот как – это человек сам выбирает... И потому сейчас Анвар лежит не как все, не всматривается в нижние тропы, ожидая оттуда опасности, а просто лег на спину и забросил руки за голову. На небо смотрит безмятежными, редкими для кавказцев яркими голубыми глазами.

Судьбы расписаны наверху... И Аббас тоже смотрит на небо, только не над собой, а с юго-западной стороны. Небо там хмурое – несет с моря снеговые тучи. Внизу, в долине, это предвещает дождь. Здесь, выше перевала, это должно предвещать снег. Хорошо бы... Нужен большой, обильный снегопад, чтобы скрыть следы, оставляемые отрядом, и сделать видимость нулевой, напроочь запретить полеты вертолетам. Тогда группа сделает свое дело и благополучно уйдет от преследования... Небо всегда помогало Аббасу, потому что он, как истинный правоверный, всегда почитает Аллаха. И не должно оно подвести в такой момент.

А момент действительно сложный. Руслан Вахович понимает это лучше других – он всегда все понимает лучше других: и людей с их разными характерами, и ситуации с их неодинаковым решением. И послал двадцать человек в долину, в еловое редколесье, чтобы нарезать шестов, необходимых для продвижения по леднику. Веревоч на всех не хватит, и взять их уже нелегко. Федералы перехватили группу, что несла горное снаряжение. Значит, нужны шесты. Без шестов, считай, треть отряда рискует в трещины провалиться и там остаться. Сезон сейчас такой – ледник трескается и движется. Трещины поверху засыпаны снегом, и заметить их можно только в момент падения. А вытаскивать провалившихся – дело почти бесполезное. Каждая трещина заполнена понизу ледниковой талой водой. Конечно, можно и добрести до края трещины, иногда случается, что провалившиеся добираются туда, а по краям и взобраться можно. Но на это уходит много часов. Тех самых часов, которых в запасе у отряда нет... Но даже если и выберешься – в промокшей одежде на высокогорных морозах ты уже не жилец. Топлива минимум, только для приготовления пищи. Нет возможности разводить костер и ждать, когда просушится одежда. Что делать с человеком, вытащенным из трещины?

Руслан Вахович никогда не бросает своих, попавших в беду. И Аббас, его признательный воспитанник, или сынок, как недобро говорят за спиной те, кто не слишком Аббаса любит, к этому же воспитателем приучен. Попавшим в беду надо помогать, их надо выручать даже не думая, что они потом тебя тоже выручат. Просто выручать – это закон мужчин. Кто бросит в беде собрата, тот недостоин помощи Аллаха. И пусть федералы рассказывают небылицы про волчьи законы моджахедов. Они так и зовут их «волками». А моджахеды в ответ зовут спецназовцев «волкодавами». Но это все не так важно. Пусть говорят, пусть рассказывают. Они и волков не понимают... Сам Руслан Вахович в ответ на глупые обвинения всегда отвечает старой притчей про то, как приходит волк к шалашу пастухов, видит, что пастухи едят шашлык из только что зарезанного ими барашка, и думает, какой шум подняли бы пастухи, если бы барашка зарезал он. А пастухи на волка смотрят, ругают, горящие головешки из костра бросают, но ружья не поднимают. Почему не поднимают? Потому что, убей они волка, не на кого им будет списать только что съеденного барашка и многих других, съеденных раньше, и тех, что будут съедены в будущем...

На заготовку шестов группе Аббаса выделили только трое суток. Это те необходимые трое суток, которые определены на сбор для всего отряда, идущего отдельными штатными джамаатами разными тропами к точке сбора. Вернее, гонимого разными тропами, потому что почти за каждым джамаатом увязались преследователи...

⁷ Сваны – один из древнейших горных народов Грузии, составляющих грузинскую нацию.

⁸ Ичкерийцы – горные чеченцы.

Через трое суток соберутся все, кто дойдет. Руслан Вахович предупреждал, что ждать не будут никого. Опоздавшим предстоит самостоятельно пробиваться к границе. Соберутся. А потом сразу в марш вверх по леднику. С шестами для страховки...

Анвар лучше других знает, как ходить с шестами и какие шесты следует заготовить. Сваны в Грузии всегда пользуются шестами вместо веревок. А Анвар несколько лет жил у деда по материнской линии, горного жителя. Учился у него. И потому Руслан послал его вместе с Аббасом. Кроме того, Анвар – лучший, самый умный и умелый разведчик в отряде Имамова. И опытный, несмотря на молодость.

Но на выходе в ущелье стоят «волкодавы». Аббас, посоветовавшись с Анваром, повел группу на другую тропу, более крутую и опасную. И теперь они ждут, высматривая, – нет ли здесь засады.

* * *

Движения на тропах нет, хотя нет и гарантии, что тропы чистые. «Волкодавы» умеют прятаться так, что их не заметишь даже вблизи, пока они сами не пожелают себя показать смертельной автоматной очередью. Но тогда, как правило, бывает уже поздно сожалеть...

– Рискнем? – спрашивает Аббас.

– Рано еще, – возражает Николай. – Заметить могут...

– А потом может быть поздно, – за Аббаса отвечает Анвар. – С грузом вверх тащиться...

Не для себя одного нести, не по паре палок! Плечи придавит так, что согнешься. А если снегопад хоть краешком зацепит, совсем плохо будет. Тропы придется искать под сугробами. Нельзя ждать...

– Идем! – решает Аббас и поднимается первым.

Он даже мокрый снег с колен стряхивает, чего другие не делают. Не потому, что костюм может промокнуть и это его волнует, а потому, что к тщательности и аккуратности приучен с детства. И любит, чтобы во всем и всегда был порядок. Наверное, к порядку его в детском доме приучали не больше, чем других мальчишек, аккуратными не ставших, просто он по характеру такой – точный, дотошный, старается, чтобы все было разложено по местам и в критический момент можно было найти что-то без потери времени на вспоминание и поиски. И еще он дневник ведет. Это тоже черта характера. И в дневнике все расписывает по дням и по часам. Что делал, что вокруг произошло... Много тетрадей исписал, и он никому их не доверяет.

Этот дневник очень выпрашивал у него голландский корреспондент Клаас Раундайк, что провел лето в отряде и, говорят, даже сейчас идет с каким-то из джамаатов на место общего сбора. Готовит материалы для своего журнала. Раундайк даже предлагал большие деньги. Гораздо большие, чем террористам платят за удавшиеся теракты... Но Аббас не отдал, хотя в деньгах, как всякий живой человек, не получивший большого наследства, потребность имеет всегда. Он не для кого-то это пишет. Только для себя. Хотя и позволил почитать и даже сфотографировать целые страницы. Тогда же журналист хотел посмотреть и другие тетради, более старые, но более старые пока спрятаны в надежном месте, и Аббас не скоро сможет взять их в руки, чтобы вспомнить, что и когда было с ним и с отрядом.

2

Дверь открывается с основательным скрипом.

Что уж только с этой дверью не делали! И петли по два раза в день смазывали, и косяки, и даже само дверное полотно с торцов подстругивали – результат прежний, скрипит, как заколдованная, раздражает начальство, и все тут...

Отдельная мобильная офицерская группа полковника Согрина прибывает в штаб группировки в полном своем малочисленном составе. Прибывает по срочному вызову, снятая вертолетом с поисковых мероприятий, что проводили спецназовцы в горах на границе с Ингушетией. А там места беспокойные, и разведывать есть что... Но спецназовцы не успевают даже добытые данные передать в оперативный отдел – их сразу по прибытии вызывают «на ковер». Единственное, сообщают, что для проведения срочной и вообще умопомрачительно секретной операции понадобились самые опытные спецы. А уж опытнее тех, кто начинал воевать лейтенантами в далеком Вьетнаме, сейчас во всей армии не сыскать...

Умопомрачительно секретная операция – это всегда не подарок. Опыт давно научил ориентироваться: чем больше тайны вокруг какого-то дела, тем больше людей про это дело знает. И потому работать бывает, как правило, гораздо труднее.

– Что там за чудики пожаловали? – вдохновенно почесывая свой многократно сломанный нос, спрашивает подполковник Сохно у дежурного по штабу. Сохно только что получил по дополнительной звездочке на каждый погон, и ему еще нравится показывать эти погоны знакомым.

Штабной подполковник недовольно морщится, и никому из пришедших не составляет труда прочитать его гримасу – выражение характерное, активно отражающее отношение честного армейца к разным «темнилам».

– Два московских генерала. Из тех, что всегда в штатском ходят. Сам знаешь таких. Лощеные и со льдом в мутных глазах. Как пауки смотрят... Бр-р-р... Терпеть этих персон не могу... И два депутата думы с полууголовными харями.

– Депутаты с полууголовными харями желают поставить нам боевую задачу? – чеканя слова, поднимает при этом брови в вопросе еще один новоиспеченный подполковник – Афанасьев, по прозвищу Кордебалет. Вообще-то у Кордебалета брови почти всегда подняты, за исключением случаев, когда он хмурится. Это привычка большинства бывших боксеров – поднятые брови и взгляд слегка исподлобья. А Кордебалет боксом занимался долго, стал мастером спорта еще в молодом возрасте и подавал определенные надежды даже тренерам сборной СССР. Наверное, он занимался бы и еще, если бы не помешала ему служба в спецназе, заменившая бои на ринге боями реальными, в которых кулаки тоже порой на что-то годятся...

– Я думаю, задачу вам все же будут ставить генералы, – дежурный морщится еще раз, он не расположен к шуткам, и его настроение не самое радужное. Дежурные всегда не любят, когда в штаб навешиваются московские чины, потому что каждый такой визит не просто подразумевает суетливую инспекционную проверку, но и несет для самого дежурного дополнительные никому не нужные хлопоты. И без того дежурство здесь – это совсем не дежурство где-нибудь в гарнизоне под Москвой. Здесь минуту вздремнуть не сможешь, потому что сообщения поступают в день десятками, каждое сообщение следует докладывать начальству, а начальство, приняв решение, гоняет дежурного по отделам со своими распоряжениями.

Третий вызванный в штаб спецназовец постукивает накрученными на кулак перчатками по ладони, словно кулак у него чешется.

– Я думаю, что дело будет обстоять несколько иначе. Генералы будут уточнять задачу после того, как ее в общих чертах поставят депутаты, – полковник Согрин, командир отдельной мобильной офицерской группы, никогда не проявляет эмоций бурно, и по его лицу трудно понять, как он относится к тому или иному факту. – Я с такой ситуацией пару раз уже сталкивался. И не люблю, когда вместе с депутатами приезжают генералы в штатском. Генералам в штатском лучше командовать спецназом в штатском, а не боевыми офицерами, которые свой мундир носить не стесняются.

Неодобрение ситуации можно прочесть только в словах, но слова полковника обращены только к своим, за которых он сам может поручиться. Дежурный по штабу давно Согрину зна-

ком и тоже входит в число своих и надежных. Он тоже не однажды в бой ходил до того, как после ранения застрял в штабе. А это значит много...

– И вообще, нам обещали отдых, – добавляет полковник. – Мы уже девять месяцев из Чечни не выбираемся. На пятьдесят процентов штатный режим перекрыли.

При работе в штатном режиме командировка в район боевых действий не должна превышать полугод, за исключением командировки на должность инструктора.

– Девять месяцев, – повторяет дежурный, задумчиво и с неодобрением покачивая головой. – Плод созрел. Кого вы, интересно, выродите?..

– Змеиную мудрость, – отвечает Сохно, – которая заставит нас иначе смотреть на многие вещи. Так всегда бывает. Сначала нервная усталость, а потом змеиная мудрость.

– Наверное, это полезная штука, – соглашается дежурный. – Всем бы ее заиметь. Гостям выделили шестой кабинет. Там вас ждут. У них там и начальник штаба сидит. Тоже что-то хмурится. Нервничает...

Два подполковника шагают в длинный и узкий коридор, а полковник задерживается около дежурного, смотрит на того с вопросом.

– Что?

– Какую карту запрашивали гости?

– Кажется, «восьмерку», – дежурный с порога бросает взгляд на высокую стену коридора, где вывешена большая карта Чечни, составленная из отдельных пронумерованных листов. Полковник смотрит туда же, куда и подполковник – восьмой лист.

– Понятно...

– Что понятно?

– Что дело будет касаться отряда Руслана Имамова.

Дежурный задумчиво с хрустом чешет затылок, на котором жесткие, как проволока, волосы торчат, как у ежа иголки.

– Могу поделиться информацией. Отряд Имамова сейчас прижали к леднику. Ледник трескается. Ходить туда, согласно прогнозам, никому не рекомендуется. Но Имамов пойдет. Прорваться вниз у него нет возможности, к тому же...

– К чему же?

– К тому же это верная гибель. Окружат и додавят...

– Он пойдет, – соглашается Согрин. – И пройдет. И ледник перейдет, и хребет перевалит... А дальше?

Дежурный вдумчиво рассматривает карту.

– А дальше снова ледник. Последний на нашей территории. Тремя языками, как дракон, сползает. В другую сторону. Тоже, говорят, трескается. Спускаться еще более опасно. А вот за ледником... Там может быть спасение, если наши за ним не пойдут. А они не пойдут...

– За ледником граница. И Руслан до нее дойдет. Последний стоящий командир из всех что остались. Остальные не боевые командиры, а простые террористы и бандиты...

– А он? – спрашивает дежурный с легкой несогласной насмешкой. Дежурный привык считать всех полевых командиров банд боевиков террористами. Это уже почти устоявшаяся терминология.

– А он диверсант.

– Недавно только этот диверсант фугасы на дороге выставял.

– Вот-вот. И я про то же... Он не «черных вдов» готовит, не машины со взрывчаткой отправляет в стену госпиталя. Он ставит фугасы там, где должна пройти военная колонна. Это и есть то, что отличает диверсанта от террориста. Имамов действует против войск, а не против мирного населения, и в этом я вижу большую разницу.

– Может быть, – вяло соглашается подполковник.

– Я это знаю, потому что по воинской профессии сам диверсант. Не террорист, а диверсант... Кого за ним пустили?

– Десантура, омовцы, четыре взвода спецназа ГРУ, отдельная мобильная офицерская группа подполковника Разина и... и эти... Новые части. Только сформированные. Горные егеря. Специальная подготовка. Для подобных условий. Все специалисты фигурного ползания по горным склонам...

– Слышал. Эти смогут догнать и обогнать, но военная подготовка у них, говорят, не самая лучшая. Не успели под пулями походить...

Дежурный кивает, соглашаясь. Но его другой вопрос интересует.

– Ты Руслана хорошо знаешь?

– Лично не знаком. Только слышал.

– Он же в ГРУ служил...

Полковник хмыкает:

– В ГРУ служили многие. Не все в спецназе ГРУ...

И Согрин, резко прекратив откровения, быстро шагает вдогонку за Сохно и Кордебалетом, которые уже ждут его у дверей шестого кабинета.

* * *

Кабинет тесный. Совсем не генеральский. Тем более не кабинет московского генерала. Но весь штаб группировки в тесноте живет. С этим бороться пока невозможно, потому что пребывание штаба здесь считается явлением временным. При этом категорично забывается пословица, что нет ничего более постоянного, чем временное.

– Задача крайне сложная и очень важная для страны, – с пафосом говорит один из депутатов, черноволосый, с физиономией, которую в окно высунуть невозможно – не пролезет.

Второй шириной физиономии первому уступает мало, но цвет его волос не разобрать по причине до блеска выбритой головы. У этого нос сломан не меньшее число раз, чем у Сохно, и голос такой, словно он с самого детства на сквозняке живет. Второй добавляет:

– Мы просто обязаны оградить Россию от подобных посягательств.

Это «мы» выглядит не слишком убедительно, и спецназовцы переглядываются. Начальник штаба группировки крутит в пальцах спичку. Буквально мнет ее ребра до того, что спичка становится круглой. И ничего не говорит. Смотрит исподлобья. Он вообще по нраву мужик суровый. А сейчас почему-то суровый вдвойне. Генералы в штатском, выделить которых не составило труда, пока тоже молчат, но полковник Согрин правильно понял, что конкретную задачу будут ставить они, после того, как депутаты выговорятся по полной собственной программе.

Депутаты уже выговорились. Они общими словами объяснили, что существует негласный план ряда влиятельных стран ЕС по отторжению Чечни от России и строительству через Чечню нефтепровода из Баку в Европу, бедную на собственные энергоресурсы. Под видом голландского журналиста Клааса Раундайка в Чечне уже почти полгода работает технический представитель Евросоюза, который вместе с отрядом полевого командира Руслана Имамова произвел исследования наиболее подходящих участков для строительства нефтепровода. Вскоре на заседании Европарламента предстоит большое обсуждение положения в Чеченской Республике. И необходимо добыть документы, составленные голландцем, чтобы они могли послужить аргументом в выступлении представителя России в Европарламенте. Только при предоставлении всех необходимых данных Россия сможет в ответ на обвинения в свой адрес предъявить встречные обвинения.

– Вопросы есть? – завершает сдвоенный доклад лысый.

– Есть, – простодушно смотрит на лысого подполковник Сохно. – Чем вас в Думе кормят?

– Что? – Лысый не понимает и переспрашивает. Глаза вылуплены, рот раскрыт, словно в самом деле есть просит. Теряется от непонимания.

– Тоже в Думу хочу, – наивно улыбается Сохно. – Всю жизнь мечтал такую рожу иметь, чтоб трескалась...

Один из генералов в штатском морщится, второй сохраняет невозмутимость. Депутаты шокированы и не находят подходящих случаю слов, а материться здесь им вроде как ранг не позволяет. Стесняются.

– Мы ждем постановки задачи, – говорит полковник. – Нас мало интересует вступление. Политикой пусть занимаются политики. Наше дело армейское.

Тогда из-за стола поднимается тот генерал, что сохранял невозмутимость, – сухопарый, с коротким ежиком седых волос, торчащих, словно упругая проволока.

– Конкретно дело обстоит так. Нам необходимо иметь все бумаги голландского лжежурналиста Клааса Раундайка, или кто он там еще в самом деле... Абсолютно все записи и его ноутбук. Он с собой ноутбук таскает. Желательно захватить самого лжежурналиста живым, но последнее вовсе не обязательное условие. При этом прошу учесть: записи могут быть зашифрованы, могут храниться в каком-то тайнике, на магнитоносителе или на микро пленке. Следовательно, необходимо иметь все его личные вещи. Абсолютно все. Специалистам решать, что может пригодиться, что следует выбросить. Все – подразумевает даже драные и вонючие носки, если он сам их не выбросил. Если вещи достанутся нам без своего хозяина, это будет потеря, но небольшая... Следующая задача – или захват, или уничтожение самого эмира Руслана Имамова. Учтите, уничтожение эмира допустимо только в том случае, если удастся захватить документы журналиста и документы, о которых я скажу позже... Если документов нет... Делайте то, что вы хорошо умеете делать, но перейти границу с Грузией он не должен. Если сумеет перейти, вы идете за ним, и без прикрытия. Вы знаете, что это такое. Попадётесь грузинским спецслужбам – от вас откажутся. Но Имамова необходимо достать в любом месте. И доставить к нам. И еще одно, очень важное... У Руслана Имамова есть воспитанник, молодой человек, которого зовут Аббас Абдутабаров. Этот воспитанник ведет дневники, в которых отражены все перемещения отряда. День за днем, постоянно. Дневники служат прекрасной иллюстрацией маршрута, который исследовал голландец. Это как раз и есть те вторые документы, о которых я сказал ранее. Парень нам не нужен, и вообще не нужен никому, кроме Руслана Имамова, который его воспитывает вместо родителей. Можно проработать оперативный вариант с ловушкой – захватить воспитанника и через воспитанника выйти на самого командира. Думайте сами. Но дневники необходимо захватить...

– У вас, товарищ генерал, хороший информатор, – говорит Согрин.

– У нас хороший информатор, – сухо соглашается генерал.

– Могу я узнать источник информации? Это может сгодиться в боевой обстановке.

– Это исключено. Могу только сообщить, что у нас есть в отряде Имамова свой человек. Он будет вам помогать, но только в самый последний момент.

– Каким образом мы его узнаем?

– Об этом вам сейчас скажут...

Поднимается второй генерал. Лицо выражает недовольство, наверное, уже достаточно давно, и это выражение прочно в нем закрепилось.

– Тройная задача для трех человек – вещь почти невыполнимая. Мы это отлично понимаем. Вы работаете отдельно от основных сил, ведущих преследование банды Имамова. Но они о вашем существовании знают. Тем не менее принято решение вашу группу расширить, добавив в нее пять офицеров.

– Троим проще, – безалаберно возражает Сохно, привыкший к горной вольнице.

Генерал возражения слушать не желает.

– Принято решение. Пополнение прибывает уже сегодня. Пять лейтенантов, которых вы, надеюсь, сможете воспитать соответствующим образом в ходе операции. Они сгодятся вам и на будущее. У ребят хорошая горная подготовка. Один из этих лейтенантов знает в лицо нашего человека в отряде Имамова, он его покажет, когда подойдет время... До того можете даже не интересоваться, это ни к чему не приведет.

– В ходе операции группы не формируются, – не соглашается полковник Согрин. – Это общепринятое положение при работе отдельных мобильных офицерских групп. И правило это взято не с потолка. Существует такая страшная вещь, как психологическая несовместимость. В боевых условиях это равносильно провалу дела...

– Решение принято на высоком уровне, – хладнокровно повторяет генерал.

– Да. Решение принято, парни, – со вздохом говорит и поднимается из-за стола начальник штаба, бросает измятую спичку не в корзину для мусора, а прямо на пол – нервничает.

Эти слова уже ставят точку в разговоре.

* * *

Выйдя из кабинета, спецназовцы переглядываются и молча направляются к выходу. Сохно с Кордебалетом шагают за дверь, а Согрин опять заглядывает в комнату дежурного.

– Ты не можешь узнать, откуда эти генералы? – спрашивает тихо.

– Не могу, – отвечает дежурный.

– Хотя бы имена, фамилии?

– Это – пожалуйста. Генерал-майор Стригун Генрих Яковлевич и генерал-майор Яхонтов Станислав Васильевич. Тебе это что-то говорит?

– Мне это пока ничего не говорит. Может быть, это что-то скажет моему руководству...

– В горы гонят?

– В горы.

– Серьезное дело?

– Плевое. Такое дело не может идти при подобном пристальном интересе из Москвы. На такие дела нам много раз отдавали приказ на месте. И именно это, признаюсь, меня сильно смущает. Боюсь, здесь дело нечисто, и мы просто делаем не то, что нам велят делать. Я такого не люблю. Ладно. Посмотрим. Что-то новое услышишь, позвони...

– Обязательно, Игорь Алексеич. Обязательно...

3

Алексей Викторович Ангелов, а попросту Ангел, пенсионер по инвалидности в связи с контузией, бывший капитан спецназа ГРУ, с опозданием поднимается в офис российского бюро подсектора Интерпола по борьбе с терроризмом, где он в настоящее время числится в штатном расписании простым оперативником. Рабочий день уже начался. Офис у интерполовцев невелик, расположен в квартире жилого дома, не имеет публичного статуса, и не вывешивает над металлической дверью подъезда рекламную табличку с надписью о своем месторасположении. Более того, он даже зарегистрирован как помещение жилого фонда Москвы. Точно так же, как и квартира рядом, занимаемая руководителем бюро Александром Игоревичем Басаргиным с семьей, зарегистрирована на него, хотя куплена на деньги международной полицейской организации. Выгодное положение – и офис под приглядом, и квартира вроде как под охраной. В другой же квартире Басаргина, полученной им во время службы в республиканском управлении ФСБ, в настоящее время проживает с семьей другой сотрудник бюро – Зураб Хошиев, бывший чеченский милиционер.

– Вот и Ангел! – как слон трубит атаку, восклицает Доктор Смерть, сидя за компьютером. Он чему-то радуется, хотя и непонятно чему, со всей высоты своих двух с лишком метров роста, которые нетрудно определить даже тогда, когда Доктор сидит в любимом большом и глубоком кресле. – А Пулат где сегодня потерялся?

Виталий Пулатов, неразлучный друг Ангела еще по службе в спецназе ГРУ, обычно прибывает чуть раньше, даже раньше всех других, потому что электричка из Электростали, где «маленький капитан», как его называют товарищи, живет, позволяет ему или приезжать раньше, или опаздывать. Второе он по природе своей не любит и потому выбирает первое. Но сегодня по какой-то причине привычками пренебрегает.

– И не дождетесь, – добродушно посмеивается Ангел. – Он рядом, вокруг квартала круги наворачивает, но подниматься не хочет принципиально.

– Почему? – не понимает Басаргин, погруженный в свои раздумья и не очень вникающий в суть общего разговора.

Ангел сообщает торжественным голосом, на выдохе:

– Машину купил. И теперь всех нас презирает...

– А почему презирает? – наивно интересуется Андрей Вадимович Тобако, не отрывая взгляда от разложенных по всему столу бумаг, словно из стандартных листов формата А4, заполненных текстом и графиками, непонятный пасьянс раскладывает.

– Потому что вы от своих машин удовольствия не получаете такого, какое он от своей получает, – из традиционного дальнего угла выдает резюме Дым Дымыч Сохатый. Так все зовут Дмитрия Дмитриевича Лосева с тех пор, как он получил свое прозвище в Афганистане, где командовал взводом отдельной кабульской роты спецназа ГРУ.

– Вот-вот, – соглашается Ангел. – Чувствуется пронизательный человек. Сохатый в самую точку попал. У Пулата настоящая любовь. Глубокая, восторженная, почти с пороссячим визгом.

– Не иначе, он приобрел «Хаммер», – предполагает Зураб.

Зураб Хошиев говорит мало, но если говорит, то обычно попадает в точку.

– На сей раз ты не прав, – Ангел улыбается. – Виталий гигантоманией не страдает и купил «Хендэ Гетз», которого, докладывая для всеобщего сведения, сразу любовно прозвал «Гешей».

– Видел я такого «Гешу», – говорит Доктор. – Маленький такой, шустренький.

– Маленький-то маленький. Но двигатель один и шесть литра. И сто пять «лошадей» в этом малыше. Ни с одной «жучкой» не сравнить. Пуля, а не машина... Так Пулат утверждает, а сам я не знаю. Он даже прокатиться, эгоист, не дает. И приходится верить на слово.

– Такой жадный? – усмехается Доктор, которому в собственном «Мерседесе-500» обычно несколько тесновато.

– Говорит, я в страховку не вписан. Он не боится, что я в кого-то въеду, поскольку в мои таланты слепо верит, он боится, что кто-то менее талантливый в меня въедет...

Все посмеиваются.

Звонок в дверь прекращает рассуждения.

– Неужели решил оставить машину во дворе? – удивляется Ангел и идет на зов звонка, как образцово-добросовестный швейцар.

Возвращается он вместе с Пулатом. «Маленький капитан» смотрит на всех победителем, но сразу сообщает причину, заставившую его снизойти до того, чтобы подняться в офис.

– Мне сейчас из Чечни Сохно звонил... – и в виде доказательства он помахивает мобильником. – Ему, кстати, подполковника «кинули», и Кордебалету тоже... Я от вашего имени их сердечно поздравил и обещал обмыть звездочки. Но он не по этому поводу. У них там какая-то странная ситуация. Просят нас накопать как можно больше, если возможно, на отставного полковника ГРУ, а ныне полевого командира Руслана Ваховича Имамова, его воспитан-

ника Аббаса Абдутабарова и на голландского журналиста... – Пулат вытаскивает из кармана бумажку, чтобы прочесть труднопроизносимое имя. – На голландского журналиста Клааса Раундайка. Этот голландец все лето провел в банде Имамова и до сих пор где-то в горах с «волками» рыщет...

– Дай-ка бумажку, – говорит Доктор. – Я африканские и голландские имена запоминаю одинаково плохо. Они, мне кажется, очень схожи. Язык сломаешь.

– Мы к этому какую-то привязку имеем? – как руководитель интересуется Басаргин, которому следует отчитываться за любую деятельность бюро. И он лучше других знает, что деятельность, не имеющая непосредственного отношения к главному профилю работы, не поощряется.

– Если Сохно обращается за помощью, значит, можем иметь, – решает Ангел. – Сохно в Чечне. Чечня, как утверждает пропаганда, главный рассадник терроризма. Следовательно, кому, как не нам, интересоваться положением дел там, в горах.

– Едва ли, – с сомнением, но утверждающе говорит Зураб как чеченец по национальности и вообще как главный специалист по внутричеченской обстановке. – Мы – антитеррористы. А Руслан никогда террористом не был. Он очень уважаемый в народе человек. Просто его затравили и лишили возможности сложить оружие, хотя он, насколько мне известно, собирался... И даже выходил на переговоры, когда его вместо переговоров пытались просто захватить. Слава Аллаху, довольно бестолковую ловушку устроили. На Имамова много клеветали с обеих сторон. И наши, и свои. Он никому не подчиняется и всегда имеет собственную точку зрения, а этого не любят те, кто к власти рвется. И даже, помню, за пару каких-то терактов от его имени брали ответственность...

Пулат отрицательно мотает указательным пальцем.

– Если бы это был не наш вопрос, то... Ведь Сохно запросил не МВД и не ФСБ, хотя наверняка полковник Согрин такую возможность имеет, а именно нас, – повторяет он. – А Сохно знает, что наш запас данных ограничивается определенным кругом лиц.

– Попробуй, Доктор, – согласно кивает Басаргин. – Хотя я в самом деле, признаться, не понимаю, почему запрос идет не от Согрина, а напрямую от Сохно.

Доктор Смерть кивает в ответ и набирает на клавиатуре компьютера адрес картотеки Интерпола.

Сохатый громко усмехается:

– Сохно хотел доложить нам, что он получил очередное звание. Вот потому звонил он, а не Согрин и не Кордебалет. Они свое состояние показывать стесняются, а Толя большой ребенок, и ему новые звездочки пока не надоели, как игрушки... Сам радуется и другим того же желает.

– Это похоже на правду, – соглашается Доктор, не отрываясь от работы. – Но... Нет данных ни на одного. Нигде не присутствуют. В терроризме, следовательно, замечены не были. Данные наших спецслужб по деятельности Имамова Интерпол всерьез, похоже, не воспринял.

– Запроси по общей картотеке, – просит Басаргин.

– Бога ради, – соглашается Доктор и отстукивает повторный запрос. Ответ получает почти сразу. – Вот, здесь Имамов присутствует со сноской «неподтвержденные данные». Это как раз то, о чем говорит Зураб. Ни о воспитаннике, ни о журналисте нет ничего. С воспитанником, я думаю, дело сложнее, если он ничем особым не отметился в мировой истории, и пусть Сохно сам ищет. Что касается журналиста... Если Тобако поможет мне написать по-английски это дурацкое имя, я доберусь до него через интернетовский «поиск». Все более-менее заметные и незаметные журналисты, кроме российских провинциальных заводских, где-то как-то засветились...

– Имя надо писать по-голландски, – предполагает Тобако. – Голландцы происходят от фризов, то есть от германских племен. Следовательно, алфавит у них должен быть близким к немецкому.

– Не проще ли набрать германскими рунами? – ерничает Сохатый. – Тогда уж точно до каждого фриза доберетесь.

– Кстати. А я только недавно прочитал, что известное на Руси фряжское вино на самом деле был сделано фризами, а не какими-то фряжами, – говорит Пулат. – Так что, будем звездочки Сохно обмывать?

На его реплику никто не обращает внимания.

– Посмотри, правильно я набрал? – просит Доктор Андрея.

Тобако тянется через стол, чтобы заглянуть в монитор.

– Может быть, правильно, хотя я не дам гарантии. Да набери ты его сначала по-русски!

Доктор Смерть набирает заново и запускает «Поиск» сразу по нескольким поисковым системам. Компьютер работает быстро.

– Есть такой! – восклицает он. – Целый перечень статей. И даже фотография. Вполне respectable, хотя, мне кажется, слегка злой дядька в основательном возрасте.

– Много и регулярно пьет, – говорит Пулат, заглядывая через плечо Доктора. – Синие мешки под глазами.

Рядом с Пулатом останавливаются Басаргин и Тобако, оставивший свой «пасьянс». Смотрят перечень, Доктор щелкает мышкой, передвигая список.

– Не понимаю, – говорит Тобако.

– Я тоже, – соглашается Басаргин. – Все статьи на экономическую тематику. Крупный, судя по всему, специалист по биржам. Какое отношение он имеет к чеченской войне и вообще к политике? Это не репортер – это эксперт и обозреватель.

– Даты проверь! – просит Тобако. – За нынешнее лето.

– Вот они, все даты, – показывает Доктор курсором. – Много пишет, в том числе и летом. Нынешним летом, прошу заметить, когда он ползал по горным склонам в Чечне. Еженедельные обзоры. Талантище. Это же надо так умудриться, чтобы давать прогноз на биржевые цены рынка нефти, находясь так далеко от всяких торгов!

– Если делать предположение судя по интернетовской фотографии, я вообще не подумал бы, что этот человек способен носить камуфлированный костюм, – говорит Тобако. – Если только он не бегал по горам в смокинге. И еще мне интересно, ему утренний коктейль подавали прямо в шалаш? Такие люди, как правильно заметил Пулат, не могут обходиться без утреннего коктейля.

– Звездочки можно и коктейлем вспрыснуть, – Пулат продолжает свою линию.

Басаргин задумчиво садится за стол и кладет руку на трубку городского телефона. Думает, формируя мысли для обоснования интереса. Потом набирает номер и не включает, как обычно делают все в бюро, спикерфон. Значит, желает говорить с кем-то конфиденциально.

– Володя... Здравствуй... Басаргин беспокоит... Скажи, у вас в картотеке есть списки аккредитованных в России иностранных журналистов? Очень рад за вас... А если этот журналист провел целое лето в одной из банд в Чечне? Думаешь? Ладно... Попробуй... Это голландец. Его зовут Клаас Раундайк... Клаас Раундайк... Не Клаус, а Клаас, с двумя «а»... Если можно, прямо сейчас... Я подожду...

Басаргин несколько минут сидит с трубкой у уха. Наконец ему сообщают.

– Так... Был... Это уже лучше... Хорошо, поищем... Ты не можешь сбросить мне на него данные? На электронный адрес... Ты же знаешь... Хорошо. Сделай прямо сейчас. Мы по этому вопросу работаем напрямую с Чечней...

Он кладет трубку.

– Клаас Раундайк три дня провел в Москве. Участвовал в каком-то мероприятии. Из Москвы вылетел в Тбилиси. Доктор, будь другом, сейчас пришлю данные на голландца. Сразу получи.

– А что за странный у тебя информатор? – спрашивает Андрей.

– Связи по прежней службе... – уклончиво отвечает Басаргин.

– Есть почта, – говорит Доктор. – Твои связи не утруждают себя набором, отправляют прикрепленным файлом готовый материал. С фотографией. И... И я, кажется, знаю адрес отправителя! По крайней мере, процентов на семьдесят. Несколько раз с ними сталкивался. Это СВР⁹.

– Это СВР, – соглашается Александр.

– Зачем СВР нужны иностранные журналисты? – не понимает Зураб.

– А ты думаешь, они вербуют только наших журналистов? – вопросом на вопрос отвечает Тобако.

– И приписка к основному тексту, – сообщает Доктор. – «В перспективную проработку не включен». Значит, в СВР его не трогали и не проверяли. Понятно. Три дня. Времени не хватило...

Доктор запускает полученную почту на принтер. Принтер работает почти беззвучно, слышно только, как похрустывает под воздействием температуры бумага, которая медленно выполняет в пластмассовый лоток-приемник.

Доктор сразу понимает, куда они попали, просто переворачивает лист и кладет его на стол, чтобы видно было всем.

– Итак... – требовательно говорит он.

С распечатки на собравшихся смотрит совсем другое лицо, нежели показал им интернетовский сайт. Еще молодой человек со светлыми волосами, по-спортивному скуластый, жесткий, с маленькими, близко посаженными сосредоточенными глазами, может быть, слегка подслеповатыми.

– Вот это уже кое-что, – говорит Басаргин.

– По крайней мере, теперь у нас есть причина заинтересоваться им, – добавляет Ангел.

– И выполнить просьбу подполковника Сохно, – уточняет Пулат, который любит помогать друзьям, за что и друзья, в свою очередь, любят помогать ему. – Но звездочки Сохно и Кордебалета обмывать мы все равно будем!

⁹ СВР – Служба внешней разведки.

ГЛАВА 2

1

– Юрий Петрович, ты понимаешь, что такое идти на серьезную операцию с мальчиками, которых я даже не знаю? – Полковник Согрин сжимает трубку телефона ЗАС¹⁰ так, что пальцы белеют, но лицо его по-прежнему остается невозмутимым. В трубке что-то булькает, как всегда бывает при разговоре через аппарат ЗАС. – Пять лейтенантов, судя по всему, необстрелянных...

– Понимаю, Игорь Алексеевич, – из Москвы отвечает полковник Мочиллов, хотя слышно его, несмотря на бульканье, хорошо, словно полковник находится в соседней комнате. – И даже знаю, что группе по нормам положено два месяца на совместную подготовку. Но решение принято не моим личным желанием и без вопросов ко мне лично. Я даже не знаю, кто решение принимал. Это приказ. И я не могу его отменить и даже обсуждать... Так что бери этих пятых лейтенантов и натаскивай по полной программе в боевых условиях. Как солдат когда-то в Афгане...

– С линейной части спецназа один спрос, с ОМОГ спрос будет совсем другой, и задачи будут ставиться другие. А я не уверен, что смогу с этими задачами справиться с необстрелянным молодняком. Более того, мне уже поставили задачу, от которой я сам слегка теряюсь. Но втроем мы справились бы гораздо лучше...

– Приказ, Игорь Алексеевич, приказ. Что касается новой операции, то ее, опять же скажу, разрабатывали не мы, и я вообще не в курсе дела.

– Я это понял. Потому и звоню. Может, сумеешь хоть чем-то помочь? Мне нужны все данные на полковника в отставке Руслана Ваховича Имамова. Знакомо тебе это имя?

Тяжелый вздох Мочилова звучит красочной иллюстрацией к просьбе.

– Значит, работаешь против него? Могу поздравить. Он сейчас у всех на слуху. По телевизору сообщают, что его отряд обложен со всех сторон. У меня нет на него данных. Он служил в агентурном управлении. И сомневаюсь, что генерал Спиридонов поспешит данными со мной поделиться. Ты же знаешь, как они собственные тайны уважают... Но я попробую. Ты долго на базе будешь?

– Я выпросил три дня на подготовку группы. Просил неделю. Но больше не дали. Операция уже началась без нас. Мы вступаем в действие только на завершающем этапе. Вместе с новоприбывшими пацанами. Откуда они хоть взялись? Из какой бригады?

– Я не знаю. Меня не подпускают к операции. Идут распоряжения сверху, и все. Мы вынуждены выполнять.

– К сожалению... – вздыхает и Согрин.

– Ладно. Как там наши подполковники?

– Выехали встречать пополнение.

– Привет им и поздравления. Я свяжусь с тобой после разговора со Спиридоновым.

* * *

К группе временно прикрепили БМП с механиком-водителем, чтобы не возникало проблем в подготовке на базе. Уже одно это говорит, какая важность придается операции. А почему – понять трудно. Дело вроде бы совсем обычное, кроме того, что противостоит им

¹⁰ ЗАС – засекречивающая аппаратура связи.

бывший полковник ГРУ. Но ведь не спецназовец же... Даже не офицер линейной армейской части, которые тоже воевать обучены. Полковник агентурного управления ГРУ, который, по идее, и в теории знать не должен, как окоп выкопать. Но он знает. И многое другое знает и умеет лучше армейских полковников...

На БМП Сохно с Кордебалетом и отправляются в Ханкалу встречать и принимать пополнение. Согрин ждет их в разведывательном управлении штаба группировки, рассматривая со всей внимательностью карты района предполагаемых действий и извилистый анфас ледника, спускающегося с высокой седловины на обе стороны хребта.

Перед полковником две карты: обыкновенная армейская, с топографическими отметками и символами, всем понятными, вторая – карта аэрокосмической съемки, скомбинированная на компьютере в результате совместной работы спутников и самолетов-разведчиков. Такие комбинированные карты только начали появляться в войсках, и многие, особенно молодые офицеры, не привыкли пока работать с ними. Но Согрин еще помнит времена, когда советские спутники систематически производили съемку всех интересующих страну объектов на земном шаре, и навыки такой работы не забылись до сих пор.

Карта космической съемки в дополнение ко всему дает возможность предположить наличие трещин на леднике. Сейчас эти трещины покрыты снегом и несут в себе серьезную угрозу любому неосторожному путешественнику. Горы очень любят, чтобы их уважали и всерьез относились к их норовистому характеру. Неуважительных они быстро ломают. Наверняка старые трещины вместе с ледником сдвинулись в сторону долины, и во множестве появились новые трещины в дополнение к обозначенным. Поэтому во время действий в горах следует быть особенно осторожным. Полковник проводит сверку карт и вносит в старую армейскую необходимые изменения, а на космическую переносит разъясняющие знаки, хотя ему выдаются обе карты для постоянной работы с ними. Но одна должна соответствовать другой – это полковник знает хорошо. Мало ли какой случай... И не всегда сверить сумеешь, не всегда успеешь нужную карту достать.

Звонит дежурный по управлению:

– Игорь Алексеевич, подполковник Сохно приехал!

– Один?

– Пришел один.

– Гони его ко мне...

Сохно заходит в кабинет через две минуты. Мрачный, лицо слегка вытянуто в вопросительном выражении. Командир знает, что так Сохно выглядит в минуты озабоченности.

– Что-то случилось? – поднимая глаза от карты и откладывая в сторону цветные карандаши, спрашивает Согрин.

– Пока ничего, но что-то готовится. Непонятное для самых умных. Я себя имею в виду. И тебя немного...

– Сам знаю, что готовится.

– А я хочу знать: в чем мне предстоит участвовать?

Полковник не возражает, потому что он сам желает знать это же.

– Кордебалет где?

– Повел новобранцев в казарму устраивать. Они просят отдельную комнату. Мягко, но настойчиво. И без смущения. Шурик попробует договориться.

– А что тебе не нравится? У нас же отдельная комната.

– Но они этого не знают. Хотя...

– Что – хотя? – Игорь Алексеевич отрывается от карты и выпрямляется.

– Хотя. Может быть, и знают. Они вообще, кажется, знают о нас больше, чем мы о них...

– То есть?

– По крайней мере, один из них дважды пытался назвать меня «товарищ майор». Потом другой так же пытался обратиться к Кордебалету, хотя погоны мы не прячем.

– И что? Не нравится понижение в звании? – посмеивается полковник.

– Не в том дело. Они давно и хорошо знают состав группы. Готовились общаться с двумя майорами и одним полковником. Это уже, скажем так, вошло в привычку. Потому и оговариваются.

– Что в этом страшного, не пойму?

– Мы когда узнали об усилении?

– Сегодня. Месяц назад с Мочиловым разговор заходил, я долго кашлял, а потом отказался, сославшись на свое законное желание вскоре отправиться на давно заслуженную пенсию. Садоводством, понимаешь, думаю заниматься. А пока совсем надумаю, о пополнении забудут.

– Не забыли. Я тоже узнал только сегодня. А они знали давно и изучили нас хорошо...

– Пусть так. Их все-таки собирали, инструктировали, предупреждали, с кем будут работать. Может быть, ты прав. Что-то здесь не совсем вяжется, я понимаю, но не вижу, честно говоря, причин для беспокойства.

Сохно подходит к окну, двор рассматривает, словно впервые видит, но надеется с этим законным пейзажем многие лета рядышком прожить. Наконец формулирует свои ощущения:

– Причины другие. Нам обещали молодых лейтенантов. А прислали матерых парней. Хотя тоже – лейтенантов.

– Матерых? – не понимает полковник.

– Мне так показалось.

– Так это же хорошо. Где они раньше служили? Из каких бригад их собрали?

– Они вообще не служили в спецназе ГРУ. Их передали из второго спецотряда горных егерей. Какая-то спецгруппа...

– Да, горные егеря задействованы в операции, – соглашается Согрин. – Отдельная рота. Они сейчас прижимают отряд Имамова к леднику и перекрывают выходы в долины, мешая ему рассредоточиться и исчезнуть. Хотя и тут тоже что-то не вяжется. Обычно боевики к границе небольшими группами движутся, а Имамов своих в кулак собирает. Все не так, как обычно. Но с этим разберемся. А егеря в деле задействованы.

– С ними нет связи?

– Пока – нет. Начнется операция – будет. Наверняка дадут «волну».

Сохно садится верхом на стул и с силой обнимает спинку:

– Я помню их командира. Общался. Майор Нечаев. Надо поговорить с ним. И как можно быстрее...

– О чем?

– Мне сдается, что наши мальчишки не имеют никакого отношения и к егерям, хотя горные маршруты они, судя по терминологии и привезенному с собой оснащению, знают хорошо. Хочется надеяться, что не только по терминологии... Кстати, егеря, насколько я помню, вооружены «калашами». Эти – «винторезами». Два «винта» на группу из пяти человек. Это основательно. И вообще мне не нравится нагромождение терминологии. *Спецотряд егерей, спецгруппа*. Может, хватит одного *спецназа ГРУ*?

Согрин звучно вздыхает:

– Толя, командир с меньшим терпением уже расстрелял бы тебя. А к кому тогда они имеют отношение? Выкладывай, что соображаешь. К какому-то из управлений ФСБ?

– Сначала я тоже так подумал. Может, «Альфа», может, «Вымпел»... Но у ФСБ нет причин так темнить. Мы сами с ними столько раз работали. Но ты же сам знаешь, что помимо общеизвестных существуют еще и скрытые силовые структуры. Откуда были те два генерала в штатском, что дурили нам утром мозги?

– Я не знаю. Этого мне не говорят, но думаю, что из ФСБ. По крайней мере, надеюсь на это.

– А вот мне так не показалось. Они хотят, чтобы мы так думали. Ты правильно сказал, что генералы в штатском должны руководить штатским спецназом. Вот я и воображаю, в соответствии с твоими домыслами, что наши вновь прибывшие мальчишки – из штатского спецназа неизвестной нам и другим силовой структуры.

– А кто знает такую структуру?

– Кто-то знает. Пара человек из штаба. И кто-то в Москве... А нам подсунули людей, которые хотят под нашим прикрытием выполнять какую-то свою миссию. Тогда понятно появление генералов и, кстати, думских деятелей в ситуации, когда они совершенно не нужны. Это простая маскировка какой-то строго засекреченной операции. Такой операции, к которой вплотную даже спецназ ГРУ допускать не рискуют.

– Преувеличиваешь. Структура была бы известна. Хотя какая-то доля правды в твоих рассуждениях есть. В том, что касается прикрытия.

– У нас в стране, как я слышал, около двух десятков закрытых институтов, которыми руководят генералы в штатском. А сколько еще лабораторий...

– Это не моего ума дело – сколько у нас институтов и лабораторий. Если они есть, я рад, что нашлось финансирование для их деятельности, потому что американцы свои институты финансировать не прекращали. Я все равно не понимаю, что тебя так беспокоит.

Сохно вздыхает огорченно и столь же неопределенно. Он не может найти слов, чтобы выразить свои сомнения. И потому вынужден прибегнуть к аналогии.

– Помнишь, как к нам в группу Кордебалет пришел?

– Помню. Как вчера было – помню.

– Он в рот к нам заглядывал. Мы для него были богами. Но у него уже была классная подготовка. И по специальности, и по «физике». А эти приехали – словно ждут, что мы к ним в рот заглядывать будем. Очень в себе уверены...

– Но это же хорошо! – не понимает Согрин беспокойства подполковника.

– Наверное, – вяло соглашается Сохно. – Только все равно мне ситуация не нравится. У меня такое впечатление, будто я та самая японская рыба, что предсказывает землетрясение¹¹. Мне сейчас так же метаться хочется... Не понимаю я, в чем дело, но чувствую что-то нехорошее. Словно нас в ловушку заманивают.

Согрин кладет на стол обе ладони, накрывая карты. Будто бы показывает, что разговор они ведут беспочвенный и лучше его прекратить.

– Ладно. Я пока с картами работаю, а ты с Кордебалетом проверь новичков на боевую подготовку. Сильно не бейте. Кстати, Пулат тебе не ответил?

– Пока нет. Я сказал, что через три дня нас уже не будет в пределах досягаемости связи.

– Может, ищут. Мне про Имамова обещал узнать Мочиллов.

Сохно собирается выходить, но дверь открывается, и входит Кордебалет:

– Я дал ребятам пару часов на то, чтобы привести себя в порядок после дороги. Потом начнем занятия...

– Как они тебе? – интересуется полковник.

– Нормальные парни. Правда, не по годам серьезные, умудренные какие-то. Но в общем, ничего. Сработаемся.

– Иное мнение! – бросив взгляд в сторону Сохно, говорит Согрин. – Чувствую, у меня будет третье.

¹¹ В Японии держат в аквариумах некоторые породы декоративных рыб, способных предсказывать землетрясения. Медлительные и ленивые в обыденности, за сутки до события рыбы начинают метаться по аквариуму.

И пододвигает ближе к себе карты, с которыми работает, показывая, что оставляет вопрос о пополнении группы открытым.

2

Эмир Дукваха Басаров опускает бинокль.

– Вот так-так. Могу всех обрадовать. За нами не кто-то идет, а сам чеченский ОМОН... – Он не улыбается, а скалится, хотя самому ему этот оскал кажется, наверное, улыбкой. У Дуквахи челюсти так устроены, что верхний ряд зубов несколько скошен вперед. И при любой попытке улыбки это пугает людей. Должно быть, именно потому Дукваха любит улыбаться, что увереннее себя чувствует, когда его боятся. – Раундаик! Слышал?

Раундаик, несмотря на свой высокий рост и мощное телосложение, передвигается легко и быстро, словно журналист когда-то проходил квалифицированное обучение воинскому искусству. От камня к камню, пригнувшись, присев, прыжками... Можно даже сказать, что передвигается он профессионально. И через несколько секунд оказывается недалеко от Дуквахи.

Дукваха не говорит громко, хотя отряд ОМОНа, что вышел на тропу ниже по ущелью, еще так далеко, что не в состоянии услышать даже крик. И Раундаик не спрашивает, а задает вопрос простым поднятием тяжелого подбородка.

– Чеченский ОМОН, говорю, за нами увязался.

– С ними можно договориться? – Раундаик так и не научился разговаривать по-чеченски, но он почти сносно владеет русским языком.

– Нет, – скалится Басаров. – С такими не договариваются. Их надо просто уничтожать, как клопов. Давить. Чтобы кровавое пятно в память другим предателям оставалось... Они все когда-то боевиками были. Потом перекупились. Можно врага простить и отпустить под хорошее настроение. Это нормально. Это признак твоей силы. А предателям пощады нет. Предатель – он на всю жизнь останется предателем... Будешь стрелять?

Раундаик понимает, зачем его подозвал эмир. В джамаате есть два штатных снайпера. Один из них ранен в голову, и повязка мешает ему прицеливаться. Раундаик взял его винтовку. И пару дней назад уже показал, что стреляет лучше всех в джамаате.

Второй снайпер лежит по другую сторону от эмира, рядом с пулеметчиком. Пристроился на удобном камне. Рассматривает омовцев, идущих двумя цепочками по противоположным склонам ущелья, в оптический прицел СВД. Раундаик молча занимает позицию неподалеку. Выбирает для себя подходящий камень, для чего стоняет с места минометчика джамаата, рассматривающего в бинокль противника.

– Ты тоже готовься, – приказывает Дукваха и минометчику.

Тот сразу дает рукой знак своему помощнику.

– Стрелять по моей команде. Начинайте с задних... Как только миномет будет готов...

Подготовка миномета не занимает много времени. Главное, жестко установить опорную плиту, чтобы при выстреле и обязательной отдаче не сбивался прицел. Установишь плиту плохо, миномет может так развернуть, что и самого минометчика тяжелым стволом шарахнет, и мина полетит в противоположную сторону. Подготовка занимает семь минут, как по часам наблюдает Раундаик. Профессионально работают. Но этих семи минут хватает ОМОНу, чтобы войти в небольшой перелесок, поперечной лентой пересекающий долину и нижнюю часть обоих склонов. Теперь надо ждать, когда они снова выйдут на открытое место и от перелеска удалятся.

Ждут... Раундаик чувствует, как начинает в ускоренном темпе колотиться сердце. Это простое волнение. Что ни говори, а он не приспособлен для таких вот действий. Никто его этому не учил. Стрелять из снайперской винтовки – это пожалуйста. Это он хорошо умеет. Это индивидуальная подготовка. В любой сфере индивидуальной подготовки он любому в джама-

ате даст фору. А боевые действия в составе отряда – это совсем другое. И потому он чувствует некоторую неуверенность.

А омовцы из перелеска все не показываются, словно заснули там. Время уже вышло. А они все не идут. И в бинокль сквозь густые еловые ветви невозможно рассмотреть, что там, внизу, делается. От этого начинают играть нервы, и Раундаик чувствует, что пальцы, сжимающие цевье винтовки, слегка подрагивают.

– Они могли нас заметить? – спрашивает Раундаик.

– Нет. Бинокли у них есть, но они рассматривали противоположный склон. Там старая скотоперегонная тропа. А чуть выше есть кошара и выпасные тропы...

– Что такое кошара? – спрашивает Раундаик.

– Весной снизу скот гонят на пастбища. Гонят по тропам. По дороге устраивают стоянки-кошары. Там отдыхают. Там есть выпасные тропы. Они никуда не ведут. Недалеко от кошары, и назад. На кошаре есть хижина. Омовцы думают, мы пошли туда... – Дукваха поясняет охотно. Он надеется стать героем какого-то западного журнала и потому сам пригласил Раундаика в свой джамаат, когда Руслан хотел отправить голландца в Грузию. Руслану не хочется, чтобы о нем писали. Он даже фотографироваться не пожелал. Но это его беда, считает Басаров. Сам Дукваха мечтает подкопить денег и устроиться где-то на Западе. Фотография в журнале очень может пригодиться ему...

– Почему же они не идут? – спрашивает Раундаик, не отрывая глаз от оптики.

– Они привал устроили. Отдыхают. Курят. Полчаса отдыхать будут... ОМОН всегда отдыхает по полчаса после двух часов марша. Это «летучие мыши» отдыхают по пятнадцать минут после четырех часов. А иногда вообще не отдыхают. Я сам время отслеживал... Можно пока расслабиться. Отдыхай...

Он сам переворачивается и откидывается на спину. В небо смотрит.

* * *

Слегка примораживает, несмотря на яркое солнце. Высокогорье. От этого никуда не денешься. Приходится пальцы в рукава бушлата засовывать и с силой шевелить ими, заставляя кровь бегать интенсивнее. Иначе в нужный момент пальцы могут подвести, и вместо плавного нажатия на спусковой крючок заставят сделать неаккуратный рывок, который уведет пулю в сторону. Да что пальцы... И нос слегка подмерзает. Хоть и не перед кем в горах красоваться, а тоже не слишком приятно ходить с красным и облупленным носом. Приходится и нос рукавом потирать. Тоже до покраснения, до боли.

Время подходит, Дукваха переворачивается на живот, смотрит на часы, а потом поднимает бинокль. Звучно усмехается:

– Что я говорил? Ровно полчаса. График ОМОН выдерживает всегда. Это как раз то небольшое, чему они научились на войне. Но кто-то еще ворчит на командира, что отдохнуть как следует не дает. Ворчит, значит, чувствует летящую в него пулю. Ту, которая еще и из ствола не вышла. Но она выйдет... Выйдет? Как? Раундаик!

Раундаик смотрит в оптику винтовки. Оптика меньше приспособлена для панорамного обследования, она более сильна и более «конкретна». Вот потому снайпер часто вместе с оптикой использует бинокль для рекогносцировки и предварительной подготовки. В оптику Клаас не сразу ловит среди ветвей движение. Но вот качнулась тяжелая еловая лапа, сыпается с нее снег. Не поверху, не ветерком его сдуло, а большими кусками сваливается. Это значит, чья-то рука на лапу оперлась. Вес тела передает. Кто-то высматривает путь впереди...

Так и есть. Человек в грязно-серой «камуфляжке», но в черном бронежилете, так хорошо видимом на чистом снегу. Делает шаг вперед и смотрит вдаль. Потом и бинокль к глазам поднимает. Всматривается в противоположный склон, куда идти намерен, как правильно высчи-

тал Дукваха. Не туда смотришь. Не туда. Тропа там, конечно, хорошая, удобная, скот много лет ее протаптывал. Но не все желают ходить хожеными тропами. Хоженная тропа – это манящая ловушка... И смотреть надо только туда, откуда эту тропу обстрелять могут. Это закон засады, который даже Раундаик успел изучить. Он и раньше успел... Изучал то есть, а вот с применением столкнулся впервые. С таким естественным для каждой войны делом, потому что раньше не войной как таковой занимался, а совсем другим делом, хотя и схожим, хотя и работающим на войну...

Прицел выравнивается. Пуля этой винтовки мощная и сильная, как объяснили Раундайку, пробивает бронежилет и тело, потом рикошетит от задней стенки бронежилета и снова возвращается в тело. Если ты без бронежилета – пуля навывлет пройдет. Есть шанс выжить. Если в бронежилете – то ты уже не жилец...

Человек с биноклем оборачивается, отпускает еловую лапку, и снег совсем сваливается с нее, как от удара. Пружинящее дерево другую ветку задевает. Там тоже снег сыплется. Человек отдает команду. Это без слов понятно. Значит, это командир. Хорошо бы его сразу уничтожить...

– Дукваха! – тихо говорит журналист. – Я командира в прицел поймал...

– Потерпи, – Дукваха очень хладнокровен, это Раундаик замечал. – Пусть отойдут от зарослей. Тогда они все наши... А что нам командир... Они там все офицеры. Все командовать могут. Потерпи... И миномету поработать хочется. И пулемету не терпится...

Он почти шепчет последние слова. С шипением, со злобой. Как колдун шепчет свои заклинания. И от этого зловещего шепота становится слегка не по себе.

Раундаик от прицела так и не отрывается. И видит, как командир группы выходит из-за дерева первым. Он так и идет первым, выбираясь из снега на тропу. А за ним тянется цепочка. По другому склону, ближе к боевикам, почти под ними, выходит на тропу вторая группа. Этих можно невооруженным глазом рассматривать. У командира второй группы тоже бинокль в руках. И он тоже смотрит не туда. Скотоперогонная тропа манит их, как магнитом. Нельзя так заикливаться на одном. Это может привести к неприятностям.

– Подпускаем вторую группу под автоматный огонь... Стрелять только по моей команде... Соблюдать маскировку... – злобно шепчет Дукваха.

Время тянется. Невыносимо долго тянется.

– Снайперы работают по дальней группе! Миномет и пулемет по противоположному склону. Обрушьте на них снег. Видишь, там козырек навис? Тонн пять будет...

– Я понял, эмир. Корректирую...

– Снайперы готовы?

Два коротких ответа. Но Дукваха понимает, что после произнесения каждого слова следует заново настроиться на выстрел. По крайней мере, дыхание перевести и задержать. И он сам делает так же – переводит дыхание, задерживает – и только после этого дает команду:

– Огонь!

Два выстрела сливаются в один. Звучат они хлестко, звучно, эхо бежит по долине стремительным рывком, угрожая обрушить со склонов снега. Два омовца падают в снег лицом, как хорошо видно в оптику винтовок. Шли, шагали по тропе вверх, и словно споткнулись... Упали и не шевелятся... Тут же вступают в дело автоматы всего джамаата. Вторая группа под прицелом. Омовцы близко, под ногами, и им трудно спрятаться. Внизу, на тропе, мало крупных камней. Дукваха предусмотрел все правильно.

И миномет с ревом посылает первый снаряд. Мина визжит истерично и поднимает на противоположном склоне фонтан взметнувшегося снега. Пулеметная очередь бороздит козырек, взметая фонтанчики поменьше, но любое сотрясение опасно.

– Чуть ниже! – командует эмир минометчику.

Прицел подправить – дело нескольких секунд. Новый выстрел, и мина ложится точно под увесистый снежный козырек. Козырек вздрагивает, словно не решается сорваться, но сил удержаться у него не хватает, слишком тяжела собственная масса, и он обрушивается, прихватывая по пути новые снежные массы и даже большие тяжелые камни. Пошла почти настоящая лавина, скрывающая омовцев от глаз снайперов.

– Хорошо! – смеется, скалясь, Дукваха. – Им бы после первых выстрелов бежать... Тогда лавина не достала бы их. А они залегли. Снайперов испугались...

Снайперы слышат похвалу в свой адрес. Они уже перенесли прицельный огонь на ближнюю группу. Омовцы пытаются отступить, добежать до спасительного леса, но они ушли слишком далеко. Дукваха не зря время выжидал...

Спаситься удастся только троем, обладающим самыми легкими и быстрыми ногами...

3

Ситуация однозначно кажется пробуксовывающей. Пулат, посомневавшись, вынужден сам позвонить в третье управление ГРУ полковнику Мочилову, чтобы попытаться навести справки о бывшем полковнике этого ведомства Руслане Имамове. Именно попытаться, потому что ГРУ неохотно дает справки о своих бывших сотрудниках любого уровня информированности, включая уборщиц помещений, которые знают только то, где они работают. О полковнике уже и говорить нечего. В отличие от Басаргина, Виталий не делает из своего общения с Мочиловым секрета и включает на аппарате спикерфон, чтобы разговор был слышен всем.

– Здравия желаю, Юрий Петрович. Пулатов вас беспокоит...

Легкая встречная пауза говорит о том, что полковник старается лихорадочно сообразить, чем вызван этот звонок и что он может нести.

– Рад слышать вас. Еще больше рад был бы увидеть, более того, продолжить то, что мы начинали с вами и с Ангеловым, и только жду, когда вы дадите согласие...

Несколько лет назад, когда ни Ангел, ни Пулат не имели еще статуса сотрудников международной полицейской организации, Мочиллов согласия не спрашивал и действовал по своему усмотрению, сообразуясь только с графиком своего свободного времени и текущими планами ведомства. Использовал отставных капитанов, как ему было необходимо.

– Извините, товарищ полковник, пока у нас нет возможности. Начальство не отпускает... – Виталий бросает улыбочивый взгляд на задумчивого Басаргина. – У нас начальство суровое.

Полковник демонстративно вздыхает в трубку, обрисовывая этим коротким звуком собственную ситуацию с занятостью. Тем не менее от общения не отказывается.

– Тогда я догадываюсь, что вы обращаетесь ко мне с какой-то просьбой, а вовсе не с приглашением попить пивка в спокойной обстановке.

Пулат старается чуть виновато улыбаться, словно Мочиллов может его видеть.

– Вы проницательны, как всегда. Хотя и от пива я не отказался бы. И просьба у меня необычная...

– Я слушаю.

– Нас интересует один из чеченских полевых командиров.

– Он имеет отношение к спецназу ГРУ?

– Он имеет отношение к ГРУ. Хотя я и не знаю, в каком управлении он служил, в одинаковом с вами, кстати, звании.

– Извините, перебью вас. Я могу только догадаться, что ваш запрос касается полковника в отставке Руслана Ваховича Имамова.

Виталий бросает взгляд вокруг. И видит, как зашевелились сотрудники бюро.

– Честное слово, Юрий Петрович, мне не очень удобно чувствовать себя попугаем – я устаю от долгого сидения на жердочке, поджав ноги, да и клеток я не люблю, но я вынужден повторить: вы проницательны, как всегда.

Мочиллов некоторое время соображает и формулирует свое отношение к запросу:

– Пока, к сожалению, я ничего не могу вам сообщить, но я сейчас как раз иду к генералу Спиридонову, а Имамов служил именно в его хозяйстве, и попробую задать вопрос, если в этом возникла необходимость у такой серьезной организации, как ваша... Вам куда звонить?

– Можно в офис.

– Я позвоню... Значит, у вашего бюро есть к Имамову интерес? – повторяет он настойчиво, потому что Пулат пока заявил только о своем интересе, а Мочиллову хочется уточнения.

– Есть. Я очень жду вашего сообщения...

Пулат выключает спикерфон и оглядывает сотрудников бюро взглядом победителя.

– Ситуация не намного легче, – говорит Доктор. – Значит, по двум персонам из запроса Сохно мы какие-то нити нащупываем. Хотя они очень скользкие, и рука с такой нити легко может соскользнуть. Но я надеюсь, что Мочиллов не подведет. По голландскому журналисту пока ситуация более любопытная, но ничего не говорящая и не дающая никакой информации. Кто-то работает под его именем, и все... По воспитаннику Имамова вообще ничего нет, и я не представляю, откуда могут появиться подобные сведения... Что же мы будем сообщать новопеченному подполковнику, если мы вообще обязаны ему что-то сообщать?

– Обязаны, – неожиданно решает Басаргин. – Сегодня сообщаем мы, завтра сообщат нам... Особенности российского силового менталитета. Думаю, в Лионе нас поймут правильно. Все равно у нас сейчас нет ничего срочного в разработке.

– А может быть, мне... – вопросительным тоном задумчиво начинает Ангел и замолкает, раздумывая и не решаясь сразу высказать предложение, которое у него у самого пока еще вызывает сомнение.

– Может быть, – утвердительно поддерживает его Андрей Тобако.

– Может быть, мне стоит связаться с сыном? Перешлем фотографию этого голландского журналюги. Чем черт не шутит...

– Антитеррористическое подразделение ООН «Пирамида» занимается исключительно вопросами борьбы с крупными террористами, с организаторами терактов, – пожимает плечами Басаргин. – Какое они могут иметь отношение к некоему журналисту-экономисту и его двойнику? В Чечне идут какие-то политические игры и не более. Кто-то из зарубежных недоброжелателей России собирает сведения для поднятия очередного скандала. Я так думаю...

– Тем не менее мне хотелось бы и этот шанс использовать, – не соглашается Ангел.

– Дело родственных отношений мало меня касается, – Басаргин сдается. – Доктор, у тебя есть адрес «Пирамиды»?

– Обязательно. – Доктор Смерть сразу начинает стучать своими толстыми, как бревна, пальцами по клавиатуре. Он каждый месяц вынужденно меняет клавиатуру, потому что клавиатура не бывает родственницей наковальне, но обходиться с ней более бережно просто не может научиться. – Ангел, твоим именем подписываю, чтобы Сережа пошевелился.

– Отправь обе фотографии, – подсказывает Зураб. – Чтобы сразу стала понятна причина нашего вопроса...

– Нет, я отправлю по половинке от каждой фотографии. – Доктор сердится, он не любит, когда ему напоминают об очевидном. – Верхнюю половину лица одного, и нижнюю половину другого. Пусть поломают голову...

Запрос уходит. Теперь остается только ждать и думать, что можно еще предпринять...

Но что предпринимать, когда нет данных? Когда даже неизвестно, где эти данные искать? Тыкать пальцем в небо, ожидая ответа оттуда?

* * *

Мыслей о новых путях поиска не приходит, а ждать приходится около часа. Пулат тем временем не преминул спуститься на улицу, чтобы минут двадцать покататься на своем «Геше» вокруг квартала. Остальные сотрудники поспешили в квартиру Басаргина, имеющую окна во двор, чтобы полюбоваться приобретением «маленького капитана». Оценили по достоинству. Виталию такая машина подходит...

– Я там, к сожалению, не помешусь, – находит единственное возражение Доктор Смерть.

– Это только так кажется, – не соглашается Ангел. – «Геша» снаружи маленький. Внутри он большой. Можно в шапке сидеть.

– Я не ношу шапки, – возражает Доктор.

– Тем более.

Пулат ставит машину под окнами и возвращается, довольный. Едва он усаживается в свое любимое глубокое кресло, скрывающее его почти с головой, как компьютер подает сигнал о приходе сообщения по электронной почте. Доктор принимает:

– Ангел. Это тебе... Сережи на месте нет, но Таку спрашивает, по какому поводу мы интересуемся человеком, изображенным на второй фотографии, – лжежурналистом...

Ангел соображает, как дипломатичнее обосновать интерес.

– Ответь ей, что по вопросу оперативной необходимости, – за Ангела отвечает Басаргин. – Это в меру туманно и ничего не говорит. Таку хорошо знает русский и постарается понять. А что не поймет, то додумает...

Доктор стучит по клавиатуре, усмехаясь точности формулировки.

– Добавь, что данные нужны срочно, – напоминает, позевывая, Сохатый.

Сообщение уходит, и в этот момент звонит полковник Мочиллов.

– Слушаю вас, Юрий Петрович, – отвечает Доктор.

– Добрый день, Виктор Юрьевич. Я хотел бы с Пулатовым пообщаться.

– Он вас слушает, так же, как я. Мы все в курсе дела. Можете говорить.

– Хорошо. Вернее, ничего хорошего. Я поинтересовался у генерала Спиридонова личностью полковника Имамова. Генерал просто взбеленился. Его, оказывается, со всех сторон достают этим вопросом. И даже от генерала Астахова звонили. А Спиридонов не понимает существа интереса. Да, много Имамов знает, но, судя по всему, не знает ничего такого, что могло бы заинтересовать антитеррористов. Как личность характеризует Руслана Ваховича положительно, если можно положительно характеризовать полевого командира НВФ. Интеллектуален, культурен, честен. Талантливый химик, профессор, окончивший когда-то Гарвард. Занимался преподавательской деятельностью за рубежом. В Европе и в США. Долгие годы находился на нелегальной работе в Италии и в США. «Выведен» в связи с угрозой провала. Остальное, как мне было сказано, никого постороннего не касается. Вот и все, чем смог вам помочь.

– Спасибо, Юрий Петрович, и на этом.

Мочиллов некоторое время молчит, проявляя смущенную корректность, но все же спрашивает:

– Если не секрет... Чем вызван ваш запрос?

– Просьбой подполковника Сохно.

– Тогда понятно. У меня есть аналогичная просьба со стороны полковника Согрина. Должно быть, Согрин и Сохно надеялись найти что-то в вашей базе данных.

– У нас, к счастью или к сожалению, ничего на этого полковника не имеется.

* * *

Через десять минут на мобильник Ангелу звонит из Нью-Йорка сын Сережа. Трубки сотовых телефонов не обладают функцией спикерфона, но старший Ангел делает звук максимальным, чтобы было хоть что-то слышно окружающим. Впрочем, им слышно только отдельные слова.

– Здравствуй, папа... Меня не было на месте, когда пришел от тебя запрос. Таку не решилась отправить ответ. Я сейчас отправлю. Это важно для тебя?

– Это важно для дела.

– Понятно. Если у вас появятся координаты этого человека, сообщи мне. Для нас это тоже может оказаться важным.

– Договорились. Но мы отправили запрос по двум людям...

– Один из них настоящий и не очень интересен. Нудный ехидный брюзга, уверенный, что он знает все на свете. Он не может быть в сфере оперативного интереса... Я думаю, и нас, и вас интересует второй. Но это не телефонный разговор. Текст идет в зашифрованном виде. Лари уже отправил его. Можешь получать. Жду от тебя сообщения.

– До встречи, сынок...

Доктор Смерть слушает издалека. Но слышит, что сообщение отправлено, и сразу проверяет почту. Зашифрованный файл появляется в почтовом ящике на его глазах. Доктор сразу запускает программу дешифратор и пускает текст с десятью снимками в распечатку, а сам вслух читает текст с экрана монитора:

«На ваш запрос сообщая:

Нашим центральным компьютером по предоставленной вами фотографии опознан и идентифицирован Пол Маккинрой, бывший сотрудник ЦРУ. В настоящее время Пол Маккинрой находится в розыске по линии ЦРУ и ФБР за ряд преступлений, совершенных против Соединенных Штатов. В последний раз Пол Маккинрой был замечен в Афганистане во время правления страной талибами, под именем известного голландского журналиста Клааса Раундайка.

По образованию психолог-аналитик. Практикующим врачом работал всего несколько лет. В дальнейшем был завербован ЦРУ и с блеском закончил спецшколу в Ленгли. Имеет подготовку высококлассного специалиста-организатора крупномасштабных многоходовых мероприятий. Использовался ЦРУ в нескольких операциях, которые успешно завершил, и имел виды на значительное повышение по службе. Причина расставания агента с ЦРУ и последующего преследования остается неизвестной.

По данным ФБР, на территории США подозревается в организации, подготовке и совершении нескольких террористических актов, повлекших за собой многочисленные человеческие жертвы. Но не входит в число особо опасных террористов, подлежащих уничтожению любым способом. Вся фактура, собранная по делу Маккинроя, очень похожа на «подставу». По нашим данным, приписываемые ему действия были организованы и выполнены совсем другими людьми.

Согласно нашей собственной косвенной информации, Пол Маккинрой в период службы в ЦРУ завладел секретной документацией разработок по зомбированию и выкрал все материалы разработок. Данные материалы, при их попадании в руки террористов, представляют собой очевидную угрозу. Исходя из этого, «Пирамида» заинтересована в поиске и изоляции объекта или хотя бы в полном выяснении данного вопроса для прекращения розыска»...

Завершив чтение, Доктор вытаскивает из лотка и выкладывает на стол распечатку портретов Маккинроя в различных ракурсах.

– Вот теперь будем знакомиться подробнее. Кстати, Ангел, можешь смело приглашать в гости сына. Сегодня вечером по ихнему времени он сможет уже вылететь из Нью-Йорка... Ангел кивком соглашается и берется за трубку сотового телефона.

ГЛАВА 3

1

– Вот так... – планшет, как всегда, на боку. Раскрыть, развернуть, карты туда, под защитную пленку. И привычно на бок, чуть ближе к спине. Начало большому делу положено. Теперь и потянуться не грех, разогреть уставшую от долгого сидения за столом согнутую спину.

Полковник Согрин заканчивает персональную работу с картами, просит дежурного закрыть кабинет и идет в оперативный отдел, чтобы еще и там обсудить возможные маршруты отряда Руслана Ваховича Имамова. Он хорошо знает, что в отделе сидят опытные «горники», исходившие немало сложных маршрутов. И не однажды уже, перед предыдущими операциями, полковник просиживал в этом отделе часы, разбирая участок действия мобильной группы.

К его приходу оперативники готовы. Вместе они склоняются над другой картой, аналогичной. Рассматривают, похоже, уже не в первый раз, высказывают соображения и заново сообщают, подбирают аргументацию, просчитывают наиболее вероятное использование существующих скотоперегонных троп и предположительную возможность прохода вообще без троп. И даже самое невероятное не оставляют без внимания – исследуют маршрут по сложному траверсу хребта в обход ледника. Но здесь мнение едино – такой вариант кажется всем наименее вероятным, почти невозможным. В отряде Имамова воспользоваться им могут единицы, имеющие не просто горную подготовку, а высотную горную подготовку, а это разница великая. Для остальных такой путь – гибель. Оперативникам хорошо известно, что в горы ходят не только альпинисты, но и скалолазы, и горные туристы, которых ни в коем случае нельзя путать с простыми туристами, и у каждой из этих категорий своя специфика хождения. Специалисты трех разных категорий никогда не объединяются в одну группу, потому что ставят перед собой различные по специфике, хотя схожие по сложности задачи. Если боевики и имеют несколько спецов, то они не смогут провести за собой большой неподготовленный отряд. Тем более уже известно, что соответствующее снаряжение Имамов не получил – десантники перехватили колонну, которая доставляла отряду страховочные тросы, шипованные «кошки» на обувь и альпинистские крючья. Большой груз, объемный, рассчитанный на весь отряд, когда он соберется, тащили специально нанятые носильщики. Не донесли... И сам Имамов уже знает, что груз перехвачен, потому что часть охранения сумела прорваться к нему и доложить обстановку. Следовательно, Руслан Вахович больше не надеется на возможность перехода по траверсу. Да и на самом леднике без страховочных тросов он может потерять много людей и времени.

Офицеры-оперативники – опытные, высказывают полковнику еще одно предположение, что Имамов будет вынужден обходиться так называемым «сванским методом», когда страховка осуществляется с помощью длинных шестов. Но в этом случае требуется иметь хотя бы по одному шесту на человека. А лучше всего сразу по два, чтобы для безопасности держать их во время маршрута крест-накрест. Где взять шесты в высокогорье – вот в чем вопрос. Но сейчас это единственный выход... Значит, Имамов вышлет в долину отряд для заготовки. Обязательно вышлет. Этот отряд необходимо тоже перехватить. Но это задача не для офицерской группы Согрина. Все вспомогательные группы боевиков должны отлавливать идущие в преследование силы. Начальник оперативного отдела берет на себя координацию. Он сообщит десанникам и егерям о предполагаемой возможности, поскольку вся связь в его руках.

– Меня другое смущает, – говорит в завершение разговора начальник оперативного отдела. – Зачем Имамов собирает весь отряд в одном месте? Мы всегда встречаемся с прямо

противоположным явлением – отдельными джамаатами боевикам бывает легче уйти от преследования.

– Я уже задумывался над этим, – соглашается Согрин. – Очевидно, у Имамова есть к тому собственные причины. Я не думаю, что он готовит какую-то серьезную операцию. Мы постараемся и это выяснить.

Обсуждение заканчивается. Согрин не любит рутинную штабную работу и традиционно устает от нее больше, чем от марш-броска. И потому с удовольствием выходит на свежий воздух. Оглядывается, отыскивая выделенную группе БМП, не находит ее и с удовольствием отправляется в казармы пешком.

* * *

Кордебалет всегда обладал дипломатическими способностями, сумел-таки договориться и на этот раз – пополнению выделяют отдельную комнату на те три дня, что отпущены для боевой подготовки. При этом подполковник даже удивился, с каким непонятным желанием пошли навстречу его просьбе. Просто так, без причины, не пошли бы, не захотели бы себя беспокоить пусть и кратковременными, но неудобствами. Значит, был недвусмысленный приказ о полном содействии... Переселили на какое-то время в открытый закуток ротную «каптерку» и поставили вместо вытащенных наружу полок с личными солдатскими вещами офицерские кровати. И только убедившись, что все идет, как должно идти, Кордебалет берет БМП и уезжает на склад получать аккумуляторы для радиации и недельный сухой паек на всю группу. С пополнением остается подполковник Сохно, который больше всего на свете не любит хозяйственные дела и всегда рад, когда ими занимается кто-то другой.

Четверо лейтенантов на кроватях сидят. Пятый на подоконнике.

– Много, бойцы, за свою короткую жизнь довелось вам повоевать? – интересуется Сохно, с прищуром рассматривая лейтенантов.

– С вашим опытом не сравнить, но было дело и у нас... – ответ того, что облюбовал себе подоконник, звучит уклончиво.

– Тогда попрошу запомнить. Даже здесь, на территории воинской части, мы тем не менее находимся в регионе военных действий. И не просто военных, позиционных и какие там еще бывают... Не в окопах сидим, ожидая психической атаки противника. Против нас воюют диверсанты и террористы – подрывники, снайперы, «черные вдовы» и прочая нечисть... Вот это окно, что так вам нравится, выходит на развалины жилого дома. Развалины, конечно, время от времени контролируются, посещаются, проверяются. А большей частью не контролируются, не посещаются, не проверяются. И некто, вооружившись винтовкой с оптическим прицелом, пожелав рассмотреть через оптику воинскую часть, заберется именно на эти развалины. Думаю, ему очень понравится офицерская спина, выставленная в окно. Слезть с подоконника! И не иметь привычки подставлять себя под дурную пулю! – неожиданно заканчивает подполковник резко.

Лейтенант соображает не сразу. Потом поднимает вопросительно брови, оглядывается через плечо на развалины дома, стоящие за забором и дорогой, вдоль забора идущей, и спрыгивает на пол, проходит к своей кровати. Подполковник сам в окно выглядывает и тоже отходит, не желая подавать дурной пример. И видит из окна, как на крыльцо поднимается Согрин.

– Становись! Командир идет...

Сохно строит лейтенантов в этой же тесной комнате в одну шеренгу – между кроватями. Построение проходит спокойно, без суеты – офицеры не солдаты и не спешат бегать перед старшими по званию. Не так чтобы совсем по стойке «смирно», но все же почти по-армейски встали. Согрин заходит, приветственно кивает тоже почти по-граждански и одновременно делает жест рукой, останавливая уставной доклад Сохно.

Лейтенанты ждут без напряжения. Стойка «смирно» – это, конечно, ерунда. Спецназ не приспособлен для участия в парадах, и далеко не каждый офицер спецназа может пройти торжественным маршем мимо какой-то, даже самой невысокой, трибуны. Согрин на не слишком ровную шеренгу внимания не обращает, но другое ему не нравится. Полковник искоса на лица посматривает. Он знает стабильную репутацию своей маленькой группы, знает, что их даже заезжим московским генералам, когда у тех нет необходимости или возможности очно познакомиться, издали показывают. Знают группу Согрина и во всех отдельных бригадах спецназа ГРУ. А уж об остальных частях, причастных к боевым действиям в Чечне, и говорить не приходится.

А в этих лицах... Что он видит в этих лицах? Смотрят вперед, перед собой, как и положено в строю, но не с такими лицами приходят на пополнение. А разговор шел именно о постоянном пополнении, а не о временном прикомандировании пятерых лейтенантов. Нет в этих лицах даже внимания к своему командиру, нет желания понять, кто будет отдавать им приказы, кто будет посылать их в бой. Только спокойная, чуть угрюмая уверенность в себе. Уверенность Согрин чувствует отчетливо.

Он останавливается перед первым. Смотрит в лицо:

– Представьтесь!

– Лейтенант Юров, – шелестящим голосом негромко говорит почти квадратный крепыш, фигурой чем-то напоминающий бывшего члена группы Согрина капитана Макарова¹². Макаров застрял в Югославии во время конфликта в Косово, где командовал интернациональным отрядом добровольцев. Там они в последний раз и встречались. После этого о капитане ничего не было слышно.

– Где служили?

– Второй специальный отряд горных егерей.

– До этого? – Вопрос следует быстро, не оставляя времени на раздумья.

– Танковый полк. Инструктор по физической подготовке, потом командир взвода разведки.

– Физическая подготовка вам очень пригодится. Обещаю...

Полковник шагает ко второму.

– Лейтенант Фомин, – голос хриплый. Не простуженный, а от природы хриплый. Такую хрипотцу при определенных обстоятельствах можно даже за угрозу принять. Сам внешне Фомин слегка толстоват для службы в спецназе. Впрочем, полковник видел на своем веку и вполне упитанных хороших бойцов. А толстоватость у них – это не следствие характера классического обжоры, а тип конституции. Чем, как говорится, бог наградил...

– Где служили?

– Второй специальный отряд горных егерей.

– До этого?

– Спецназ ВДВ.

У третьего во взгляде вообще неприкрытая насмешка. Неприятные, самоуверенные глаза человека, понимающего только свою значимость и не принимающего чью-то иную. Сам чернявый, восточного типа. Но Согрина из себя вывести трудно. Особенно взглядом. Он никак и никогда не показывает своего отношения до той поры, пока не бывает вынужден сделать это обстоятельствами.

– Лейтенант Саакян. Второй специальный отряд горных егерей... До этого – инструктор по рукопашному бою.

Лейтенанту кажется, что это должно произвести впечатление. Тем не менее не производит. Согрин по-прежнему непроницаем и холоден.

¹² Герой романов «Закон ответного удара» и «Правила абордажа».

- В каких частях?
- В ФСБ.
- Управление?
- Федеральное. Москва.

Но и это Согрина никак не волнует. По крайней мере, не впечатляет. Полковник шагает к следующему. Мрачный тип с неровным обветренным лицом и черным, откровенно горным загаром. Сила личности в лице рисуется классически.

– Лейтенант Егоров. Второй специальный отряд горных егерей... До этого – инструктор горной подготовки в спецназе погранвойск.

Последний, тот самый, что на подоконнике посидеть любит, и по возрасту старше других, и увереннее себя чувствует. Даже в голосе легкая насмешка звучит. Сам высокий, жилистый, жесткий. Конституция, подходящая марафонцу, следовательно, и спецназовцу.

– Лейтенант Бradoбрей. Второй специальный отряд горных егерей... До этого – офицер группы захвата ФСБ.

- Управление?
- Федеральное. Москва.
- По какому принципу вас откомандировывали в горные егеря?
- По принципу наличия горной подготовки, – за всех отвечает Бradoбрей.
- Участие в боевых действиях?
- Ликвидация банд в Дагестане и в Карачаево-Черкесии. У всех... По две операции...

Отличные оценки со стороны командования...

У Согрина в запасе еще множество вопросов, но дальше расспросить пополнение полковнику не дают. Открывается дверь, входит Кордебалет:

– Игорь Алексеевич! В горах ЧП... Тебя срочно в штаб...

Согрин еще раз осматривает шеренгу.

– Проверьте их на «рукопашку». Только... Без рукоприкладства... Они парни молодые, им еще жить... – Командир откровенно показывает, что впечатление пополнение не произвело. И быстро выходит из комнаты.

– Что там случилось? – спрашивает Сохно, когда закрывается дверь за Согриным.

– Один из джамаатов Имамова шел к нему на соединение. Преследование вел ОМОН. Тридцать три человека... Тридцать из тридцати трех погибли... Если светлого времени хватит, – Кордебалет выглядывает в окно, – нас забросят этому джамаату «на хвост»...

– Почему «на хвост», почему не вперед, чтобы устроить засаду? – спрашивает Бradoбрей.

– Потому что выбрасывание малочисленной группы вперед, при том, что вертолет будет видно многим, чревато боем в окружении и уничтожением... Навстречу этому джамаату Имамов обязательно выдвинет пару других, – сразу оценивает ситуацию Сохно. – Он опытный командир и не упустит такой момент... Поэтому разрешаю порадоваться – «рукопашку» отложим до того светлого времени, когда у меня будет настроение получше, следовательно, я буду не так зол и... И начнем собираться.

2

На спиртовке закипает кофе. Маленькая походная турочка – на одну чашку. На последнюю. Хотя чашку в походных условиях заменяет большая эмалированная кружка, измерения все равно ведутся чашками. Привычка. И привычка самому готовить себе кофе. Эту процедуру Руслан Вахович никому не доверяет. Испортят по неумению...

Запасы кофе иссякли. В багаже остался только растворимый, который Имамов не любит и вообще за кофе не считает. И потому остатками кофе настоящего он старается насладиться, чтобы надолго запомнить его вкус. Так, с чашкой в руке, он и подходит к радисту, кото-

рый настраивает рацию для сеанса связи. Но не торопится, не глотает напиток, знает, что на настройку уйдет не менее пяти минут. Радист в отряде не из лучших, а лучшего найти трудно. Негде взять лучшего. Может быть, стоит в Грузии за зиму подыскать?

– Эмир... Готово... – радист протягивает наушники с микрофоном, и Имамов допивает последний глоток. Нюхает кофейную гущу, осевшую на дне, вздыхает, как при прощании, и вытряхивает в снег. Снег ногой переворачивает, чтобы не было кофейного пятна. Привычка к хорошему кофе – устойчивая привычка. Без кофе он будет чувствовать себя разбитым и утомленным.

Наушники на голову, подправить микрофон.

– Я Станция, вызываю всех свободных операторов службы, – говорит он по-арабски.

Руслан Вахович Имамов специально запретил всем джамаатам в своем отряде вести переговоры в эфире на чеченском и русском языках и приказал разговаривать только на арабском. Если «волну» в очередной раз перехватят федералы, они не сразу поймут, о чем идет речь. Конечно, отставной полковник разведки давно знает, что вокруг Чечни стоят два отдельных радиопеленгаторных узла и постоянно «причесывают» эфир довольно частым «гребнем», отслеживая все разговоры. Стационарным узлам помогают автомобильные передвижные установки, чтобы не просто разговоры перехватывать, но и наиболее точно пеленговать местонахождение станций. Должно быть, и его разговоры тоже перехватывают. Но не на каждом же углу у армейцев сидят переводчики с арабского. А пока данные дойдут до штаба, пока там их обработают и отправят переводчикам, пока те протрезвеют, пошевелятся и разберутся с естественными эфирными помехами – время уже уйдет, и дело будет сделано... Имамов специально распределил всех арабов, входящих в его отряд, по отдельным джамаатам, которые имеют рации. Но даже здесь, даже при сообщениях на арабском языке, он соблюдает осторожность.

Сеансы связи кратковременны – только доклад, – и одновременны для всех. Руслан Вахович, получив сообщения, удовлетворен – джамааты график выдерживают и даже имеют некоторый запас времени. К сожалению, этот запас нельзя будет использовать для того, чтобы оторваться от преследования. Необходимо дожидаться группу Аббаса, который принесет шесты. Без веревок и без шестов на леднике делать нечего.

Но почти за всеми джамаатами, цепко ухватившись за след, идут преследователи. И даже несколько раз завязывались не бои, а скоротечные перестрелки. На этом фоне радует последнее сообщение, пришедшее от эмира Дуквахи.

– Мы уничтожили около тридцати чеченских омовцев, – докладывает араб-радист. Чуткий микрофон доносит фоном звучащий второй голос. Сам Дукваха говорит арабу, что следует передавать. Дукваха арабский не знает, разговаривает только по-русски и по-чеченски – слабовато у него с грамотой. Но фоном звучащие слова разобрать невозможно. Хотя, если поработать с приборами, наверное, и этого удастся достичь. Однако время не позволит использовать сведения. Когда работа завершится, отряда Руслана Ваховича в России уже не будет... А в Грузию федералы не сунутся. Не только потому, что сама Грузия против. На мнение грузинской стороны армейцы наплевали бы. Просто по ту сторону границы слишком много стволов готово их встретить...

– Я понял. Это хорошо... Благодарю эмира. Преследование есть? – Сам Руслан Вахович говорит по-арабски так чисто, что ни один араб не поймет его национальность.

– Некому преследовать. Пару человек упустили, остальные лежат в снегу...

– Потери?

– Потерь нет.

– Как там неверный?

– Нормально. Участвовал в бою. Хорошо стреляет.

– Хорошо. Значит... Значит, без преследования – есть возможность маневра...

- Есть.
- Новая задача! Карта передо мной. Разверни карту...
- Развернул.
- От тебя на два пальца вперед. Там есть ледяной арбуз. Слева от него седло и провал...
- Есть.
- Пройти через провал. Там на склоне наша группа... Аббас... Общее дело. Оказать помощь. Если надо, прикрыть. Эту группу ждем все...
- Понял. Снимаюсь...

* * *

Хорошо, что джамаат Дуквахи вовремя освободился. У Аббаса слишком мало сил, чтобы приготовить достаточное количество шестов быстро и донести их вовремя. Где-то на подходах к долине должны быть федералы. Они за другим джамаатом идут, но могут и на Аббаса нарваться. Значит, уходить придется быстро, потому что сил маловато. Если не подведет погода, то снегопад и следы Аббаса прикроет.

Имамов с надеждой смотрит на небо. За последний час небо трижды его дразнило. Тучи идут плотной стеной, закрывая весь юго-западный горизонт. Но ветер очень ненадежный. Постоянно меняет направление. Сначала показалось, что точно в нужную сторону движется. Потом вдруг изменился угол движения. Сильно изменился – тучи вбок пошли и стали удаляться. А через какое-то время снова вернулись на прежнее направление, как машина в знакомую колею въехала. И пока движутся туда, куда следует, только слишком медленно, величественно.

Кто-то бежит за спиной. Снег наверху, где устроился Имамов со своим отрядом, подмороженный, сильно скрипит, звук далеко разносит. Руслан Вахович оборачивается. Всматривается в лицо человека в «камуфляжке». Узнает. Это один из часовых с дальнего верхнего поста. Торопится, значит, вести срочные. Неужели неприятности сверху... Может быть, федералы выбросили десант на ледник? Вот тогда им нужна хорошая снежная буря. Да и без бури в первую же ночь перемерзнут, а отряд собирается сниматься только через двое суток... Не такие же дураки армейские командиры. Хотя сам Имамов и не армеец, при том, что имел когда-то звание полковника, он уже достаточно изучил войну и все ее атрибуты. Даже он понимает, что выставлять заслон наверху очень опасно. Это опасно еще и тем, что с другой стороны по второму леднику всегда могут подняться в помощь другие джамааты. Федералы обязаны предполагать, что Имамов имеет связь с Грузией и может попросить помощи оттуда, где отдыхают отряды других полевых командиров. Тогда что же за срочные вести?

Часовой подбегает. Пытается говорить, но бегом носиться в высокогорье трудно – слова к языку вязнут, только ножом и сковырнешь.

– Продышись, – спокойно говорит командир, откладывая в сторону наушники с микрофоном. – Потом скажешь...

Часовой дышит глубоко, но воздуха ему явно не хватает. Минута уходит на то, чтобы хоть чуть-чуть восстановить дыхание. Имамов ждет и задает вопрос только тогда, когда видит, что часовой готов говорить.

– Что там?

– Гости с другой стороны, – произносит наконец часовой и машет рукой куда-то вдаль, показывая этим, должно быть, что гости пришли издалека. – С вами разговаривать хотят...

– Кто?

– Три араба, один наш.

– Где они ждут?

– Мы их на пост не пустили. В снегу сидят.

- Из какого отряда?
- В том-то и дело. Не говорят. Говорят только, что издалека. Потому и не пустили.
- Пусть приходят сюда. Возьми с собой четырех человек. Они проводят...

* * *

Пока гости добираются до лагеря, проходит сорок минут. Руслан Вахович ждет, прислушиваясь к биению собственного сердца. Он всегда был здоровым человеком, отчего же сейчас сердце так колотится? Высокогорье? Кислородное голодание? По возрасту вроде бы рано чувствовать такие нагрузки. Всего-то пятьдесят восемь. Для горца это только зрелый возраст.

Но сердце-то колотится.

Или... Это волнение?

Имамов подозревает, кто и зачем вышел к нему навстречу. Он издали разглядывает фигуры, спускающиеся с ледника. Идут не слишком торопясь, уверенно ступая, будто бы желают ему показать собственную значимость.

Кто так может идти в расположение чужого отряда?

Только те люди, о которых он думает.

Он еще год назад отверг все их предложения. Но предполагал, что они не успокоятся. И сейчас узнает арабов. Это те же самые люди. Только провожатый другой. Чеченец со знакомым лицом. Кажется, где-то они встречались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.